Жозеф Марметт

Франсуа де Бьенвиль

Исторический роман о войне за Канаду

Жозеф Марметт

Франсуа де Бьенвиль

«Автор»
2026

Марметт Ж.

Франсуа де Бьенвиль / Ж. Марметт — «Автор», 2026

1690 год. Французская Канада на пороге войны: английская эскадра идёт к Квебеку, а в колонии плетутся заговоры. Молодой Франсуа де Бьенвиль оказывается в центре событий, где верность проверяется под огнём мушкетов, а любовь сталкивается с долгом и беспощадными законами войны. Тайные вылазки, шпионские интриги, схватки на воде и суше, подвиги и трагедии героев складываются в захватывающую панораму Новой Франции XVII века. Жозеф Марметт соединяет приключенческий сюжет с подлинными историческими событиями, воссоздавая нравы и конфликты эпохи, когда Франция и Англия боролись за власть над Северной Америкой. Роман о мужестве и предательстве, дружбе и любви, о цене победы и судьбах людей, оказавшихся на переднем крае истории.Оригинальное произведение является объектом общественного достояния.

© Марметт Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 35

Жозеф Марметт
Франсуа де Бьенвиль

ФРАНСУА ДЕ БЬЕНВИЛЬ

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ КАНАДЫ В XVII ВЕКЕ

ЖОЗЕФ МАРМЕТТ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
МОНРЕАЛЬ

Бошмен и Валуа, книготорговцы и типографы

улица Сен-Поль, 256 и 258

1883
Зарегистрировано в соответствии с актом парламента Канады в 1883 году Жозефом Марметтом в канцелярии министра сельского хозяйства в Оттаве.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ П.-Ж.-О. ШОВО

Премьер-министру, секретарю и министру народного просвещения провинции Квебек

ОТ ЕГО ВЕСЬМА СМИРЕННОГО И ПРЕДАННОГО СЛУГИ

ЖОЗЕФА МАРМЕТТА
Квебек, 1 сентября 1870 года.

ВВЕДЕНИЕ

Публикуя окончательное издание своих исторических романов с многочисленными исправлениями слога, которые больший опыт позволяет мне внести в них сегодня, я наконец могу осуществить давно лелеемое желание — связать предисловиями или историческими очерками эти четыре тома: «Кавалер де Морнак», «Франсуа де Бьенвиль», «Интендант Биго» и «Невеста мятежника», в которых я стремился верно изобразить наиболее примечательные эпохи наших летописей.

С помощью этих дополнений я окажусь достигшим — с большей или меньшей точностью — той цели, к которой стремился в день, когда написал первые строки своей первой книги: сделать героическую часть нашей истории более известной, придав ей драматическую форму, и охватить её в этих четырёх томах, где вымыслу отведено ровно столько места, сколько необходимо, чтобы их можно было отнести к разряду исторических романов.

К сожалению, требования книгоиздания не позволяют мне начать публикацию этой серии произведений с первого из них по хронологии истории. Действительно, действие «Кавалера де Морнака» происходит во времена прибытия полка Кариньяна, который в 1665 году придал Новой Франции столь мощный толчок, что некоторые историки именно с этого времени отсчитывают настоящее существование колонии.

Так получилось, что «Франсуа де Бьенвиль» (1690) — та из моих книг, которую теперь труднее всего достать, и мои издатели желают переиздать её первой. Я уступаю их просьбе, зная к тому же, насколько легко будет впоследствии расположить каждый из этих томов в надлежащем порядке.

Итак, оставляя пока «Кавалера де Морнака» терпеливо дожидаться переиздания, я набросаю здесь несколькими штрихами главные исторические события, связанные с «Франсуа де Бьенвилем», произведением, новое и тщательно пересмотренное издание которого я с удовлетворением предлагаю своим читателям.

Благодаря энергичным мерам, принятым маркизом де Траси, которого Людовик XIV отправил в Канаду в 1665 году для наказания ирокезов, в течение тридцати лет не прекращавших сеять в колонии резню и опустошение, а также благодаря поощрению земледелия и промышленности со стороны интенданта Талона, Новая Франция вступила в пору прочного роста и процветания.

Тогда можно было видеть, как леса падали под топором дровосека, на берегах Святого Лаврентия, в окрестностях Квебека, Труа-Ривьера и Монреаля, возникали приходы, а страна быстро развивалась благодаря разумному и деятельному заселению.

Не довольствуясь тем, что придали мощный толчок местному земледелию и промышленности, господин Талон, а после него губернатор Фронтенак несколькими годами позднее направили Жолье, Маркетта и Ла Саля в бескрайние пустынные пространства Запада, и эти экспедиции благодаря открытию Миссисипи должны были значительно расширить владения Франции, присоединив к Канаде богатые земли Луизианы.

Это быстрое развитие Новой Франции вскоре стало внушать опасения соседним английским колониям. Поэтому жители Новой Англии начали подстрекать ирокезов, поначалу исподволь, объявить войну французам.

В 1686 году полковник Донган, губернатор Нью-Йорка, созвал в Олбани представителей пяти ирокезских племён и убедил их в том, что французы намерены предпринять новое вторжение в их страну и что следует предупредить канадцев, напав на них и на их союзников-индейцев. Возбуждённые этими лживыми утверждениями, ирокезы вновь принялись за свои жестокости. Необходимо было как можно скорее усмирить дерзость этих варваров, и господин де Денонвиль, тогдашний губернатор Канады, вторгся в 1687 году на территорию ирокезов во главе восьмисот солдат, тысячи ополченцев и шестисот индейцев. Разбив восемьсот тсонноутанов, экспедиция десять дней опустошала страну, сжигая посевы, запасы зерна, а также главные селения, и возвратилась с победой в Квебек, пройдя четыреста шестьдесят лье через леса, большие и малые реки с двадцать четвёртого мая по десятое августа.

Последствия этой решительной меры были таковы, что из-за голода и страха, вынудивших их рассеяться, народ тсонноутанов, насчитывавший прежде десять тысяч душ и более восьмисот воинов, сократился наполовину.

Это суровое наказание поначалу внушило ирокезам спасительный страх, и они вновь попросили мира. Но это не входило в расчёты полковника Донгана, который настойчивыми внушениями и уговорами снова побудил этих индейцев всей массой обрушиться на французскую колонию.

В 1688 и 1689 годах ирокезы произвели величайшие опустошения в Монреальском губернаторстве. В августе 1689 года, после ряда убийств, совершённых в окрестностях этого города с неслыханной жестокостью, один из их отрядов обрушился на Лашин, где с изощрённой жестокостью перерезал двести человек и увёл в плен сто двадцать. Ужас, который внушали эти разбойники, был столь велик, что они в течение двух месяцев оставались хозяевами окрестностей.

В этих критических обстоятельствах господин де Фронтенак, за несколько лет до того отозванный во Францию, был во второй раз поставлен во главе управления Канадой. Этот умный, смелый губернатор, наделённый железной волей, был именно тем человеком, какого требовало положение. Чтобы сначала наказать вероломство Донгана, а затем устрашить ирокезов, господин де Фронтенак одну за другой направил против Новой Англии три экспеди-

ции, разрушившие поселения Скенектади[1], Салмон-Фолс и Каско, перебившие часть жителей и взявшие в плен тех, кто уцелел после первой ярости нападения. Суровая, даже жестокая месть, но неизбежное следствие резни, которую население Новой Англии вызвало у нас в предшествующем году.

Именно после этих событий английские колонисты решили вторгнуться в Канаду одновременно с суши и с моря, чтобы изгнать оттуда французов и завладеть страной.

Рассказ об этой экспедиции составляет главную тему «Франсуа де Бьенвиля».

Квебек, 8 апреля 1882 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Рассказ, который последует далее, не является плодом ни прихоти, ни случая, в отличие от множества тех легковесных произведений, которыми оглушено наше время. И поскольку едва ли вероятно, что побуждение, заставившее меня его написать, кто-нибудь припишет денежной выгоде — ведь совершенно известно, что литература в Канаде не может прокормить даже самым скромным образом ни самого неприхотливого, ни самого плодовитого писателя, — я могу с самого начала сказать вместе с Монтенем: «Сие, читатели, есть книга, написанная по доброй совести».

Вот почему.

В детстве меня убаюкивали народные песни и легенды, которыми старались навеять на меня сон, и уже тогда моё воображение пробуждалось при рассказах об оборотнях и привидениях, составляющих усладу старух и детей.

Позднее, будучи ещё совсем юным, я смог прочитать несколько романов сэра Вальтера Скотта. Тогда, когда вечером я ложился в постель, мне казалось, что в ночном ветре я слышу протяжный звук труб герольдов, играющих фанфару на турнире. И когда сон наконец полагал конец этой бессоннице, мне порою чудилось во сне, будто я слышу гулкий стук копыт коней отважных воинов, от которого сотрясался подъёмный мост древнего замка.

Затем мои двенадцать лет и мои детские мечтания заключили в мрачные стены коллежа. Перейти без всякой подготовки от почти полной свободы к суровому режиму десятимесячного заточения и вынужденных прогулок по бесплодным степям латинского синтаксиса в унылом обществе целого каравана штрафных заданий было очень тяжело. Но поскольку не бывает пустыни без оазиса, я вскоре нашёл способ проводить восхитительные часы в приятном обществе столь любимых мною книг.

Сколько же раз, прямо под носом у надзирателя, я исходил прерии и леса вместе с Кожаным Чулком, любимым героем Купера, в то время как мои товарищи по несчастью кололись о чертополох «сада греческих корней»! Сколько раз на уроках я перестреливался с индейцами Мексики вместе с «Лесным бродягой» Луи де Бельмара, пока учитель зачёркивал одиннадцатый солецизм в моём последнем переводе на латынь, а сосед справа тихонько засыпал под монотонный ритм десятки, никак не желавшей удерживаться в памяти!

Наконец настал день, когда, устав читать исключительно эти вымышленные истории, я принялся за историю своей страны.

При волнующих рассказах о борьбе, приключениях и страданиях наших предков весь пыл моих юных лет, все силы моего воображения сосредоточились на этих столь же блистательных, сколь и подлинных событиях; и по мере того как я продвигался в чтении этих увлекательных страниц, мысль, возникшая у меня с самого начала, вновь поднималась, росла и крепла во мне: сделать известными народу, придав им драматическую форму, благородные и славные деяния, которые следовало бы знать каждому канадцу.

[1] Мы рассказали об эпизоде экспедиции против Скенектади в нашем первом опыте — «Шарль и Ева», напечатанном в «Канадском обозрении» за 1865 год.

Под первым влиянием этой мысли пять лет назад я написал свою повесть «Шарль и Ева». Мне было тогда двадцать лет; в таком возрасте ни в чём не сомневаются и знают не так уж много. Поэтому в этой несчастной повести, которая, впрочем, и не повесть вовсе, больше добрых намерений, чем достоинств и слога.

Но читатель был настолько добр, что не рассердился и даже одарил благосклонной улыбкой эту попытку в жанре, ещё мало разработанном в нашей стране.

Ободрённый этим молчаливым одобрением, я продолжил развивать свою мысль и пополнять свои литературные и исторические познания. И вот почему я полагаю возможным, отдавая это сочинение в печать, сказать, что это книга, написанная по доброй совести, поскольку она родилась из серьёзного замысла.

К тому же я вовсе не искажал историю, как это, к сожалению, происходит в весьма многих исторических романах, а, напротив, старался неукоснительно следовать ей во всех перипетиях драмы. Так что читатель без труда уловит ту границу, которая в этом повествовании отделяет роман от истории.

Но меня, быть может, упрекнут в сухости некоторых подробностей, которые отдельным читателям могут показаться странными в произведении художественной литературы. На это я отвечу, что, поскольку моей целью было лучше познакомить читателя с одним из прекраснейших эпизодов наших летописей — второй осадой Квебека, — я намеренно воспользовался интригой лишь настолько, насколько это было нужно, чтобы оживить рассказ.

И я буду весьма счастлив, если смогу сказать вместе с поэтом:

«Сказка вместе с собою проводит и наставление».

Квебек, 1 сентября 1870 года.

ФРАНСУА ДЕ БЬЕНВИЛЬ

Думаете ли вы порою о тех славных временах,
Когда одни, покинутые матерью своей Францией,
Наши предки защищали её победоносное имя
И видели, как перед ними бежало чужеземное войско?
Сожалеете ли вы ещё о тех днях Карильона,
Когда, связав победу с белым знаменем,
Отцы наши покрывали себя бессмертной славой
И писали своим клинком героическую историю?

О. Кремази.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПОРТРЕТЫ В ПОЛНЫЙ РОСТ ИЗ СТАРЫХ ВРЕМЁН

— Кто идёт?

— Франция.

— Пароль?

— Канада.

— Проходите!

Эти слова были произнесены в ночь на 14 октября лета Господня 1690 года; и часовой, стоявший у подножия подъёма Монтань, пропустил троих мужчин — военных, поскольку шпаги приподнимали у них полы плащей, а фетровые шляпы с длинными перьями были молодцевато сдвинуты к правому уху.

После того как часовой взял на караул, они кое-как перебрались через укрепление, преграждавшее здесь улицу во всю её ширину, и продолжили подниматься по склону.

Когда они добрались до середины подъёма, окрик второго часового вновь остановил их; они ответили ему и прошли дальше.

— Кто идёт? — спросил их третий часовой, стоявший на страже у входа в Верхний город.

— Ей-богу! — воскликнул тот из троих прибывших, кто только что назвал пароль, — похоже, в нашем городе Квебеке несут службу как следует! Франция и Канада, храбрец.

— Его светлость господин губернатор, — пробормотал солдат, беря на караул.

Это и в самом деле был граф де Фронтенак, прибывший из Монреаля вместе с сьером Франсуа Ле Муаном де Бьенвилем. Их спутником был господин Прево, майор Квебека, командовавший городом в отсутствие губернатора.

Ближе к закату майору сообщили, что вдали по течению реки спускается лодка, приближающаяся к городу. Предположив, что в этой лодке может находиться граф де Фронтенак, господин Прево спустился ему навстречу, чтобы принять его.

Едва граф прошёл через ворота палисада, отделявшего Верхний город от Нижнего, как его встретили радостными приветственными криками. Жители вышли приветствовать того, кого считали своим спасителем в критическом положении, в котором находились уже несколько дней.

Когда он вошёл в замок Сен-Луи (или замок Форт, как говорили в то время), там уже собралось множество знатных людей, как гражданских, так и военных. Добрые горожане Квебека испытывали сильную тревогу с тех пор, как узнали о прибытии английского флота на реку Святого Лаврентия. Поэтому они толпами устремились в замок, когда услышали, что господин майор отправился в Нижний город встречать губернатора.

Его мужеству и опыту так доверяли, что одно присутствие графа среди них в некоторой степени успокаивало даже наиболее встревоженные умы.

Луи де Бюад, граф де Фронтенак, кавалер ордена Святого Людовика и губернатор Новой Франции, был тогда семидесяти лет; ему не дали бы и шестидесяти, настолько он был ещё бодр, деятелен и силён. Воинственная наружность, осанка, полная благородства и изящества, облик одновременно достойный, внушительный и строгий делали его истинным представителем тех французских дворян, наполовину солдат, наполовину придворных, которые блистали тогда в первых рядах и при дворе, и в армии великого короля.

Его чёрный взгляд сверкал под высоким лбом, едва изборождённым лёгкими морщинами, тогда как орлиный нос и тонкие губы, начинавшие отходить назад от несколько слишком выступавшего подбородка, придавали всему его лицу умное, но властное выражение.

Поэтому вас нисколько не удивит, если я добавлю, что граф требовал от подчинённых самого неукоснительного повиновения. Когда он отдавал приказ, следовало подчиняться; в противном случае разражалась буря. Ссоры, которые он имел во время своего первого губернаторства с господином Перро, аббатом де Фенелоном и интендантом Дюшено, служат тому доказательством.

Вы, однако, согласитесь с нами, что первые двое не были безупречны, поскольку их отозвали во Францию, где король заточил Перро в Бастилию, а господину аббату де Фенелону запретил вновь ступать на наши берега.

Но дело стало гораздо хуже, когда интендант вступил с ним в открытую войну. Старый дворянин, у которого, как говорят, крёстным отцом был король (Людовик XIII), а воспитательницей — военная дисциплина — ему исполнилось лишь семнадцать лет, когда он поступил на военную службу, — захотел оказать решительное сопротивление непокорным и во что бы то ни стало наказать их за неоднократные отказы повиноваться.

Тогда интендант донёс до самого подножия трона свои жалобы и жалобы поддерживавшей его партии — жалобы более или менее обоснованные, — и оба противника были отозваны во Францию в 1682 году.

Колония вскоре почувствовала утрату, понесённую ею в лице этого губернатора. В ту пору времена были чрезвычайно тяжёлыми, и, чтобы справиться с обстоятельствами, требовался человек способный и энергичный.

Вялая и неудачная администрация господ де Ла Барра и де Денонвиля вскоре поставила Новую Францию на край гибели. Но Людовик XIV, умевший разбираться в людях, в конце 1689 года вновь направил графа де Фронтенака в Канаду, чтобы восстановить там престиж французского имени.

О многом в пользу умелого правителя свидетельствует то, что по возвращении в Квебек он был встречен бурными проявлениями радости всеми жителями, включая даже тех, кто несколькими годами раньше больше всех способствовал его отзыву во Францию.

Незадолго до возвращения господина де Фронтенака ирокезский томагавк нанёс свой самый страшный удар в Лашине, где в тот роковой день погибли двести человек. Виновники этой кровавой драмы ещё сеяли по стране страх своим оружием, когда граф де Фронтенак прибыл на помощь колонистам.

С этого времени положение приняло другой характер. В течение нескольких месяцев укреплённые поселения Новой Англии — Скенектади, Салмон-Фолс и Каско — исчезли среди развалин; ирокезы были отброшены, а храбрый д'Ибервиль оставил англичанам в Гудзоновом заливе кровавые воспоминания о своих дерзких победах.

Таков был граф де Фронтенак, губернатор Новой Франции, в начале нашего рассказа.

В тот момент, когда мы представляем его вам, голову его, украшенную слегка напудренным париком с завитыми локонами, ниспадавшими справа и слева от мужественного лица, покрывала треугольная шляпа, обшитая золотом. Его тёмный дорожный плащ, также отделанный золотым галуном, позволял видеть длинный серый жюстокор с обшлагами и отворотами контрастных цветов, а под ним — короткий вышитый камзол. На нём были также кружевные банты галстука, плечевые банты и бант на шпаге.

Низ его коротких штанов пышными складками входил в широкие вверху охотничьи сапоги, которыми он предусмотрительно обзавёлся для путешествия. Запястья его белых, но исхудавших с возрастом рук терялись в изящных складках двух кружевных манжет.

Наконец, широкая перевязь, сплошь расшитая золотом, спускалась от правого плеча к левому боку и поддерживала блестящую шпагу, конец ножен которой приподнимал плащ сзади, тогда как рукоять, упиравшаяся в левое бедро, заставляла сверкать при свете свечей драгоценные камни, украшавшие гарду.

Господа Прево и де Бьенвиль были одеты не столь богато. Шляпу майора окаймлял простой золотой кант, тогда как шляпа молодого Ле Муана была украшена лишь серебряным галуном. Однако господин Прево, в отличие от графа и Бьенвиля, носил не тяжёлые сапоги, а лишь городские полусапожки и длинные чёрные шёлковые чулки, свободно обрисовывавшие его мускулистые икры.

Франсуа Ле Муан, сьер де Бьенвиль, спутник господина де Фронтенака, был двадцати четырёх лет. Хотя ему суждено стать одним из главных действующих лиц этого повествования о великих подвигах героической эпохи, прошу вас, прелестные читательницы, не спешить наделять его теми внешними достоинствами, которыми многие романисты любят украшать своих героев.

Бьенвиль не отличался тем высоким стройным станом, который, согласно современным вкусам, так хорошо выглядит под более или менее изящным покроем одежды наших модных портных; напротив, он был коренаст, невысок, крепок и широкоплеч.

Его рука не была ни тонкой, ни белой, как руки тех романических героев, скорее пригодных мять кружева сумасбродной маркизы во время завтрака на траве[2], нежели рассекать человека на поле чести.

[2] Завтраки на траве, в садах и гротах, были весьма модны во Франции приблизительно с середины до конца XVII столетия. См. Монтей, Ле Гран д'Осси и др.

Наш герой возвращался из Гудзонова залива, где несколько месяцев воевал с англичанами вместе со своими братьями д'Ибервилем, Сент-Эленом и Марикуром. Привыкшие во время частых походов по лесам обращаться с топором не меньше, чем со шпагой, его руки стали толстыми, широкими и мускулистыми.

Наконец, читательницы, последнее разочарование для вас: господин де Бьенвиль не был красив лицом. Однако, чтобы остаться верным истине, я должен поспешить добавить, что он, безусловно, не был и безобразен.

Если бы вы всмотрелись в его большие карие глаза, в которых читались ум, мужество, а также аристократическая гордость, в его слегка презрительные губы столь тонкого рисунка, вы, без сомнения, не заметили бы, что лицо у него костистое, а цвет лица весьма тусклый.

Если бы, наконец, держа ваши нежные пальчики в своей жилистой и жёсткой руке, этот человек, брат героев и сам герой, сказал вам: «Я люблю вас», — быть может, тогда, мадемуазель, его внешность показалась бы вам более привлекательной и вы не отняли бы свою дрожащую руку из руки галантного воина.

Семья Франсуа Ле Муана де Бьенвиля происходила из Нормандии. Отец нашего героя, Шарль Ле Муан, отличившийся в первых рядах в столь частых тогда сражениях с ирокезами, имел одиннадцать сыновей и двух дочерей. Пятеро из сыновей погибли на поле брани, изумив современников своим неукротимым мужеством и удивительными воинскими подвигами.

Господин де Бьенвиль, четвёртый сын Шарля Ле Муана, несмотря на свою молодость, уже имел вполне заслуженную репутацию отважного солдата и хорошего офицера. В предыдущем году он проявил себя в Гудзоновом заливе, где соперничал в дерзости со своими братьями.

Он едва успел вернуться из тех краёв и находился в Монреале, когда господин де Фронтенак, также прибывший туда, чтобы воспрепятствовать сухопутному вторжению, предпринятому Уинтропом, о котором мы вскоре расскажем, был вызван обратно в Квебек в связи с приближением английского флота и предложил ему спуститься в столицу вместе с ним.

Поскольку сьер де Бьенвиль издалека чуял запах пороха, смертельно ненавидел англичан и чувствовал себя хорошо всюду, где представлялся случай нанести славные удары шпагой — пусть даже приходилось получать такие же в ответ, — он с радостью согласился и тотчас сел в лодку вместе с графом, который особенно к нему благоволил.

Но по пути вниз по реке им пришлось пережить множество опасностей: их судно село на мель у Пуэнт-о-Трамбль; и, чтобы не терять времени, они пересели в плохонькое берестяное каноэ, которое едва не перевернулось не один раз, прежде чем благополучно доставило их к месту назначения.

Именно после всех этих приключений мы и увидели, как они в обществе майора Прево поднимались к замку Форт.

Комната, в которую они вошли, была просторна. В огромном камине, занимавшем более половины одной из стен комнаты, весело потрескивал превосходно разгоревшийся огонь.

— Ей-богу! Дорогой мой Бьенвиль, — сказал граф, приближаясь к яркому, жаркому огню, — это, думаю я, куда лучше, чем недавний ледяной воздух. Ну же, сударь, располагайтесь слева от меня, а вы, майор, садитесь на это кресло справа.

Затем, повернувшись к камердинеру:

— Подавайте ужин.

— Ну что же, майор, — сказал он затем, — хотя стража здесь несёт службу исправно, неприятеля пока не видно.

— Нет, господин граф, но, возможно, он уже недалеко.

— Ах!.. Какие у вас о нём известия?

— Сегодня утром я выслал разведчика, и он заметил множество судов, стоящих на якоре у подножия острова.

— Чёрт побери! — воскликнул губернатор, ругавшийся как подобает доброму дворянину, — только бы мои солдаты и ополченцы из Монреаля и Труа-Ривьера успели прибыть. Но, пожалуй, было бы полезно немедленно отправить офицера с отрядом, чтобы наблюдать за неприятелем и предупредить нас о его приближении.

И, обернувшись к камердинеру, который на почтительном расстоянии ожидал приказаний:

— Ступайте и скажите шевалье де Водрёю, что я хотел бы видеть его немедленно; он был здесь, когда я приехал.

Слуга поклонился, вышел и через несколько мгновений вернулся, сообщив губернатору, что шевалье уже уехал, но за ним пошлют.

— Вашему сиятельству подано, — сказал в то же мгновение другой слуга.

Тогда, с некоторой живостью поворачиваясь к столу, на котором дымились многочисленные блюда, вполне способные вызвать слюнки:

— Ну же, господа! — весело воскликнул губернатор, — к столу! К столу!

Хотя при необходимости господин де Фронтенак умел обходиться без многого, он любил хорошо поесть, и доказательством тому служит то, что он буквально проел своё наследство. В самом деле! В его время ни в армии, ни при дворе великолепного короля не жили скудно; к тому же сберегательных касс ещё не изобрели. Настал день, когда граф, слишком весело прожив свои средства, остался, что называется, с одним плащом и шпагой. Людовик XIV отправил его в Канаду главным образом ради его способностей и отчасти для того, чтобы он поправил свои дела. Господин де Фронтенак покрыл себя там славой, но из-за скромности жалованья остался беден деньгами.

Это, однако, не мешало ему держать хороший стол в своём замке Сен-Луи и прекрасно угощать гостей. Пусть читатель судит сам.

Трапеза, состоявшая из четырёх перемен, включала множество восхитительных кушаний, свидетельствовавших об искусстве повара.

В авангарде первых блюд прежде всего виднелись большие и маленькие супы на бульоне и с курятиной; затем шли ростбиф из баранины, обложенный котлетами, и два горячих пирога, один из косули, а другой из отборной дичи, чья корочка, вздыбившаяся золотистыми чешуйками, должна была заставить казаться необычайно сладким милый грех чревоугодия.

Среди жаркого вы непременно заметили бы три блюда бекасиков, куропаток и ржанок, зажаренных на вертеле; а о нескольких связках жаворонков, нанизанных по шесть или по двенадцать на маленькие деревянные вертела, на которых их и жарили, я упоминаю лишь затем, чтобы вы поняли, с каким удовольствием весёлый Рабле прочёл бы над ними свои чётки.

Следующие за ними лакомые кушанья выделялись среди множества антреме, или третьей перемены: сперва шли сладкие и солёные салаты, затем душистый омлет, за которым следовали оладьи, пироги с костным мозгом, бланманже и крем-брюле в качестве дополнительных закусок.

Наконец подавали десерт, в котором сначала появлялись сезонные фрукты, яблоки и прочее, уложенные пирамидами; затем соблазнительные изделия из печи и изысканные пирожные — такие, как тарты, бисквиты, марципаны и макароны; под конец — лёгкие кремы и засахаренные припасы, и всё это достойным образом венчали французские вина и ликёры.[3]

Наши почтенные дворяне, чей аппетит вполне соответствовал прекрасному порядку подачи блюд, некоторое время ели молча, утоляя сильный голод. Затем майор, только что с большим успехом проломивший второй бастион паштета, обратился к губернатору:

---

[3] Названия всех этих разнообразных блюд вполне соответствуют эпохе, о которой идёт речь. В этом отношении мы следовали той части сочинения Монтея, которая посвящена XVII веку, и труду Ле Грана д'Осси «История частной жизни французов».

— Я должен сообщить вам, господин граф, — сказал он, — что приказал ополчениям обоих берегов ниже города с величайшей поспешностью явиться в Квебек.

— Превосходно, майор. А что вы сделали для обороны крепости? — спросил господин де Фронтенак, с наслаждением обсасывая крылышко ржанки.

— Вот что, господин граф. Я велел поставить палисады от дворца господина интенданта вверх до вершины мыса. На концах и в центре эти укрепления защищены тремя небольшими батареями. У нас, как вам известно, всего двенадцать больших пушек; девять из них я поставил на батареях в Верхнем городе, оставив остальные три для обороны причалов Нижнего города, которые к тому же прикрыты несколькими малокалиберными орудиями.

Кроме того, прибыв сюда, вы видели, что подъём от порта к улице Бюад перекрыт тремя линиями бочек, наполненных землёй и камнями и снабжённых рогатками.

— Браво, майор; сам Вобан не сделал бы лучше! Но знаете ли вы, господа, что для нас было бы в тысячу раз хуже, если бы англичане прибыли сюда на три дня раньше?

— Да, тем более что к фортификационным работам мы приступили только позавчера.

Господин де Фронтенак только что налил себе доброго старого вина, о чём свидетельствовал почтенный слой пыли, по праву давнейшего владения покрывавший бутылку.

— Господа, пью за ваше здоровье, прошу последовать моему примеру, — сказал он, поднося к губам золотой кубок с выгравированным на нём собственным гербом, согласно обычаю того времени.

Доложили о прибытии шевалье де Водрёя.

— Приветствую вас, господин шевалье! — сказал ему губернатор.

Вновь прибывший поклонился и, по-видимому, стал ждать распоряжений графа.

— Подойдите сюда поближе, — сказал ему господин де Фронтенак, — и налейте себе этого шабли, чтобы мы все вместе выпили за славу Франции, ради служения которой я велел вас позвать. За славу нашего оружия!

— За славу нашего оружия! — повторили сотрапезники.

— Итак, полковник[4], вы возьмёте с собой сто человек и проведёте разведку до острова Орлеан, чтобы наблюдать за неприятелем.

— Этой же ночью, господин граф?

— Немедленно; и как только флот придёт в движение, приезжайте сообщить нам об этом. Думаю, излишне добавлять, что вы откроете огонь, если встретите англичан на острове или если они попытаются высадиться там.

Шевалье низко поклонился и вышел.

Когда их трапеза закончилась, губернатор и двое его гостей вновь заняли места у огня.

Майор, желая узнать о положении дел в Монреале и видя, что граф погружён в беседу со своими мыслями, обратился к молодому Бьенвилю, который только и ждал случая немного развязать язык после хорошего ужина.

— Господин де Бьенвиль, — сказал ему майор, — расскажите-ка мне о генерале Уинтропе и его походе против Монреаля.

— О! В нынешних обстоятельствах Уинтропа особенно бояться не приходится.

— Как это?

— А вот как, майор: вам известно, что при первом известии о замысле английского вторжения его светлость губернатор поднялся в Монреаль, чтобы распорядиться об общем сборе регулярных войск и ополчения. И вот нас собралось тысяча двести человек в Ла-Прери-дела-Мадлен, и все мы горели желанием немного скрестить оружие с англичанами и раз навсегда отбить у них охоту вновь идти в наступление, когда до нас с озера Сен-Сакреман дошли странные вести.

[4] Шевалье де Водрёй был полковником войск.

Началось всё с соперничества между начальниками экспедиции: Уинтроп требовал командования всей армией, тогда как несколько других офицеров имели те же притязания; не говоря уже о том, что союзные англичанам индейцы — ирокезы, лупы и сококи — желали сохранить свою независимость и повиноваться только своим обычным вождям.

Затем соперничество стало перерастать в раздор, а раздор — в беспорядок, когда в их лагере появилась оспа.

Это бедствие вскоре произвело такие опустошения, что индейцы, среди которых умирало больше всего людей, обвинили своих союзников в том, будто те их отравили. Поэтому вскоре все они в беспорядке разбежались; тогда как английские войска, увидев себя покинутыми, со своей стороны пустились прочь и отступили к Олбани.

В этом городе, пока между начальниками продолжались раздоры, а среди солдат свирепствовала эпидемия, участники похода бросили знамя на месте и, повернувшись к нему спиной, отправились по домам.

— Великолепно! — воскликнул майор, смеясь во всё горло. — Великолепно!.. Но достоверны ли эти известия?

— Разумеется, достоверны, — вмешался тут господин де Фронтенак, — ведь я сам посылал абенака в неприятельский лагерь. Мой человек прибыл туда как раз тогда, когда разногласия достигли высшей точки. Он видел, как англичане снялись с лагеря и повернули назад; а на обратном пути встретил отряд сококи, которые рассказали ему, что только что произошло в Олбани.

Эти бедные индейцы в страшной ярости на англичан, настолько они убеждены, что те отравили их, чтобы разом от них избавиться.

Не имея более причин опасаться с этой стороны, я распустил ополчение и собирался вернуть солдат на зимние квартиры, когда в прошлый вторник (10 октября) получил ваше первое донесение, сообщавшее о появлении английского флота в нижнем течении реки. Я немедленно отплыл. На следующий день напротив Сореля я встретил вашего второго курьера. Подробности, которые он доставил, не оставляли у меня ни малейших сомнений, и я отправил капитана Рамзе к господину де Кальеру[5], чтобы тот направил сюда регулярные войска и большую часть ополчения. Такие же приказы я отдал по пути в Труа-Ривьере, а затем поспешил сюда со всей возможной скоростью.

— Войска из Монреаля и Труа-Ривьера, ваша светлость, должны вскоре последовать за вами?

— Надеюсь, они будут здесь завтра, если только с ними не случится какого-нибудь несчастья, которое их задержит. Иначе всё будет кончено; то есть нам придётся умереть, поскольку в городе у нас едва наберётся двести человек, способных носить оружие.

Но всё равно, — воскликнул благородный старик, поднимаясь в порыве воодушевления, — мы погибнем на своём посту, и весть о нашей предсмертной борьбе, перелетев через моря, расскажет нашей Франции, что канадские морозы не леденят крови её сыновей.

Я могу положиться на всех; а с такими офицерами, как вы, господа, солдаты не могут не быть храбрыми.

О! Кстати, господин де Бьенвиль, ваше прекрасное поведение в Гудзоновом заливе, где вы отличились как доброволец, обратило на вас моё внимание; позвольте мне вознаградить ваши заслуги перед Францией и Канадой, назначив вас прапорщиком морской роты, которой командует ваш брат, господин де Марикур. Господин прапорщик, дайте мне руку.

Хорошо! Хорошо! — продолжал граф, почувствовав, как дрожит от волнения в его руке рука Франсуа, и увидев слезу, скатившуюся по загорелой щеке молодого человека, — у вас

[5] Тогдашний губернатор Монреаля.

благородное сердце. Завтра утром вы получите свой патент. Но как жаль, что храброго д'Ибервиля здесь нет! Какое славное дело вы совершили бы все вместе, господа Ле Муаны![6]

— Тысяча благодарностей за вашу доброту к моим братьям и ко мне, ваша светлость! — ответил молодой человек; будьте уверены, что моя новая шпага не заржавеет в ножнах.

— О! Я охотно вам верю, — ответил с улыбкой господин де Фронтенак; но час уже поздний, и я хотел бы совершить ночной обход, чтобы проверить, на своих ли постах все караулы. Вы идёте, господин майор? Итак, дорогой мой Бьенвиль, не забывайте, что вы мой гость на всё время вашего пребывания в Квебеке.

— Я принимаю приглашение с удовольствием и признательностью, ваша светлость. Поскольку вечер ещё не кончился, мне хочется пожать руку моему доброму другу лейтенанту д'Орси.

— Ага! Ага! Понимаю! То есть вы хотите заодно осведомиться о здоровье мадемуазель, его сестры. Она очень хороша, эта девушка. Я тем искреннее поздравляю вас, что, кажется, вы немного за ней ухаживаете. Но полноте! Не краснейте так; в этом чувстве нет ничего, кроме самого похвального.

Ступайте, сударь, — прибавил губернатор более серьёзным тоном, выходя из замка, — и воспользуйтесь несколькими часами передышки, которые оставляет нам неприятель; ибо одному Богу известно, что готовят нам англичане и завтрашний день. До свидания!

— До свидания и большое спасибо, ваша светлость, — сказал Бьенвиль, быстрыми шагами спускаясь с возвышения, на котором стоял замок, и направляясь к улице Бюад, в то время как граф де Фронтенак и майор Прево свернули на улицу Сен-Луи.

Подобно природе накануне великих потрясений, город покоился в безмолвии, а ставни каждого дома были закрыты так плотно, что не пропускали ни единого луча света, если внутри вообще горел свет. Ибо нельзя было сказать, спят ли горожане или же надвигающаяся, грозно возвещавшая о себе опасность не даёт им сомкнуть глаз.

Бьенвиль, чьё нетерпение, казалось, возрастало с каждым шагом, ускорил ход, вскоре свернул на улицу Бюад и исчез в её тени, а внезапно разбуженное эхо словно упрекало запоздалого прохожего в том, что он осмелился нарушить его покой.

ГЛАВА ВТОРАЯ
СТАРЫЙ КВЕБЕК. ДРУЗЬЯ.

Примостившись, словно орлиное гнездо, на своей отвесной скале, Квебек со дня основания и до наших дней видел немало бурь; и подобно гнездовью царя гор, которое буря раскачивает тем сильнее, чем выше оно висит, нашему старому городу тоже приходилось противостоять урагану упорнее, чем Монреалю и Труа-Ривьеру, скромно расположившимся на равнине.

Подобно Геркулесу в колыбели, едва родившийся Квебек вышел победителем из борьбы, которую ему пришлось вести с ирокезской змеёй. Но едва несколько его домов сменили исчезнувшие вигвамы таинственного селения Стадаконы, как на маленький город Шамплена обрушился новый враг. Ослабленный прискорбным соперничеством, истощённый нехваткой продовольствия, Квебек пал при этом первом нападении англичан; было это в 1629 году.

Но там, наверху, Бог бодрствовал над Новой Францией: он желал, чтобы эта колония, которой суждено было однажды уравновесить могущество соседей, оставалась католической, а Англия уже не была таковой.

Возвращённый Франции в 1632 году, Квебек быстро оправился от этой неудачи и, казалось, с той поры стал развиваться ещё стремительнее, подобно сказочному великану, обретавшему новые силы всякий раз, когда враг повергнул его на землю.

---

[6] Д'Ибервиль в это время плыл во Францию. Он возвращался из Гудзонова залива и намеревался зайти в Квебек, когда в заливе Святого Лаврентия заметил флот Фипса, поднимавшийся вверх по реке. Поскольку такое соседство не обещало ничего хорошего, он повернул и продолжил плавание к родине.

С тех пор, несмотря на заговоры индейских племён, чьи воинственные крики часто раздавались у самых его ворот, столица Новой Франции разрослась настолько, что ещё до 1690 года стала городом. Поскольку в этом повествовании меня должна занимать лишь названная эпоха, я только упомяну о суровых потрясениях, которые позднее довелось пережить нашему городу при осадах 1759 и 1760 годов, а также в 1775 году.

Даже теперь Квебек остаётся единственным настоящим оплотом, способным надёжно защитить страну. Пусть начнутся новые войны — и мы увидим, как его многочисленные пушки вновь вытянут свои бронзовые шеи поверх стен и будут сдерживать врага, который, быть может, одержит победу во всех прочих местах страны.

Не тогда ли, согласно предсказаниям, чудовищный огненный ураган поглотит наш город? Неужели, изрешечённому ядрами, обугленному зажигательными снарядами, ему суждено завернуться в славный саван дымящегося пепла и лечь в нём? Если такова ожидающая тебя высшая судьба, о Квебек, твой конец будет достоин твоего прошлого; и твои почерневшие камни однажды поведают чужестранцу, который в раздумье присядет на обломке твоих стен, что жители твои могли быть только героями.

А ты, пышный и великолепный Монреаль, неужели правда, что тебе, по словам некоего пророчества, суждено погибнуть в великом разливе вод? О! Как же холодно будет тебе в саване из ила, которым воды великой реки покроют твои останки, стремительно уносясь к Океану и забвению!

Хотя небольшое поселение Шамплена, основанное в 1608 году, к 1690 году уже стало городом, читателю всё же не следует заключать из этого, будто о Квебеке конца семнадцатого столетия можно судить по нынешнему. Подвергаясь внезапным нападениям ирокезов и наученные опытом, его жители сгруппировали свои жилища вокруг укреплений, так, чтобы при необходимости сразу найти убежище или быстро получить помощь.

Так, множество домов находилось в Нижнем городе, под пушками форта Сен-Луи. Хотя Нижний город был уничтожен пожаром 1682 года, ко времени осады крепости Фипсом его полностью отстроили. Но он не был, как сегодня, почти исключительно торговым складочным местом; большинство знатнейших горожан и богатейших купцов жило там со своими семьями[7].

Земля, которую ныне занимают предместья, состояла тогда из обширных полей, простиравшихся от городских ворот до самого горизонта.

В квартале Пале, на берегах реки Сен-Шарль, стоял только дворец господина интенданта с принадлежавшими ему постройками, которые, по словам Ла Потери, состояли из «восьмидесяти туазов строений, словно образовывавших маленький город»[8]. Там собирался совет, там жил интендант, и туда после пожара 1682 года поместили королевские склады; ибо до этого бедствия они находились в Нижнем городе, возле причала, защищённого артиллерийскими орудиями и называвшегося тогда платформой[9].

Что касается Верхнего города, он был почти целиком занят религиозными общинами; исключение составляли замок и несколько редких домов, разбросанных вдоль улиц Сен-Луи, Бюад, де ла Фабрик, дю Пале и Сен-Жан.

Монастырь урсулинок, уничтоженный пожаром 1686 года, только что отстроили заново. В 1689 году господин де Фронтенак велел возвести в саду этой общины укреплённый палисад с караульным помещением, чтобы защитить город со стороны равнин, или полей, как их тогда называли.

---

[7] Ещё помнят, что не далее как шестьдесят лет назад наша аристократия жила в Нижнем городе. В ту пору квартал Кап, ныне столь модный, населяли каретники, кузнецы и молочники.

[8] Развалины этой резиденции ещё можно видеть позади пивоварни господина Босуэлла и в Парке. Это название происходит оттого, что участок, покрытый тогда большей частью высоким строевым лесом, принадлежал интендантам, устроившим здесь свой парк.

[9] Теперь это Королевский причал.

Рядом находился монастырь иезуитов. Превращённое после завоевания в казармы, это здание теперь имеет почти тот же вид, что и тогда; за исключением, однако, исчезнувших «большого сада», «небольшой рощи» и церкви[10]. Пространство между Отель-Дьё, который тогда состоял лишь из здания, сложенного из тёсаного камня, с двумя павильонами, и Семинарией, где теперь проходят улицы Куйяр, Сен-Жозеф, Сент-Фамий, Сен-Жорж и другие, было пустынным и незаселённым.

Здания Семинарии состояли из главного корпуса, обращённого к реке, двух павильонов и левого крыла, в котором находилась часовня. Последняя, к несчастью, впоследствии уничтоженная, должно быть, была прекрасна, ибо Ла Потери, прибывший из Европы, очень её хвалит[11]. Сад общины свободно простирался до частокола, возведённого по гребню мыса, более чем на сто футов возвышающегося над улицей Со-о-Матло.

Небольшая пушечная батарея, защищавшая город в этом месте, находилась в саду, где артиллеристам разрешалось оставаться для обслуживания орудий. На планах и картах той эпохи виден большой крест, установленный в саду возле палисада, приблизительно там, где теперь на большой батарее находится полулунное укрепление, защищаемое тридцатидвухфунтовой пушкой.

За собором и улицей Бюад, если подниматься выше, находилась Оружейная площадь, на которой три года спустя (в 1693 году) должны были возвести монастырь и церковь реколлетов.

Напротив Оружейной площади, на краю мыса, удерживаемый фундаментами, которые до сих пор поддерживают старую часть террасы, стоял замок Форт, или замок Сен-Луи. Чтобы не удлинять чисто описательную часть этой главы, мы позднее дадим довольно подробный очерк этой резиденции наших прежних губернаторов.

Теперь спустимся к епископскому дворцу, чтобы приблизиться к месту, где развернётся самая волнующая часть этого романа.

Епископский дворец тогда стоял на том месте, где ныне скромно возвышается здание нашего провинциального парламента. Это было большое здание из тёсаного камня, главный корпус которого с часовней посредине был обращён к подъёму Монтань. Крыло длиной в семьдесят два фута с павильоном, образовывавшим на конце выступ с восточной стороны, под прямым углом подходило к подъёму.

Выступ земли напротив этого крыла, спускающийся к подъёму Монтань, над которым он возвышается, служил кладбищем с самых первых времён колонии.

Вот как проходила ограда, окружавшая епископский дворец. Начинаясь у края кладбища, она шла вдоль спуска в Нижний город, поднималась по нему, пересекая улицу, которая сегодня ведёт к крепостным стенам (тогда этой дороги не существовало), и заканчивалась у конца улицы Пор-Дофен, у края нынешнего епископского дворца.

Если вернуться к той же исходной точке, можно было увидеть, как стена поднималась к саду Семинарии вдоль гребня мыса, возвышающегося над улицей Со-о-Матло[12], а затем заканчивалась у того места крепостной стены, где несколько лет назад между оградой здания парламента и первыми орудиями большой батареи устроили небольшую платформу.

Здесь она соединялась со стеной, которая и теперь окаймляет сады Семинарии, и вместе с ней подходила к другому своему концу на углу улицы Пор-Дофен. Что касается квартала

---

[10] Монастырь иезуитов, давно грозивший обрушиться, был снесён в 1877 году.

[11] Эта часовня должна была находиться на стыке крыла со старым фасадом, приблизительно там, где теперь расположены два учебных зала. Её длина составляла сорок футов. Ла Потери очень хвалит главный алтарь коринфского ордера, деревянную обшивку стен, скульптуры, украшавшие стены и свод, которые были выполнены семинаристами и оценивались в десять тысяч экю. Эта часовня давно уничтожена пожаром.

[12] Согласно преданию, эта улица получила своё название после того, как какой-то матрос упал здесь с самого верха мыса до его подножия. По правде говоря, мы предпочитаем это объяснение версии Хокинса («Картина Квебека»), который заменяет матроса собакой по кличке Матло, будто бы упавшей таким же образом.

домов, ныне стоящего между почтой и парламентом, то в конце семнадцатого столетия его не существовало, и там, где теперь находятся эти постройки, тогда свободно проходили люди.

Эта топография, быть может, излишне подробная и неинтересная для многих читателей, необходима для понимания событий, которые последуют дальше.

В начале улицы Бюад в 1690 году стоял скромный каменный дом с одним верхним этажом, находившийся почти напротив того места, где сходились ограды двора епископского дворца. Он стоял там, где ныне находится книжная лавка господ Бруссо, и принадлежал господину Луи д'Орси, молодому офицеру одной из морских рот. Тот построил его сразу после прибытия в Канаду, в 1687 году, и жил там вместе с сестрой.

Отец двух молодых людей, барон Рауль д'Орси, унаследовав состояние, значительно уменьшенное расточительными расходами предков, не сумел избежать неминуемого разорения, которое они таким образом давно ему подготовили. Поэтому, оказавшись неспособным поддерживать достаток, какого требовали его положение и имя, он был вынужден продать небольшую нормандскую усадьбу, остававшуюся единственным его имуществом, чтобы получить хоть какие-то деньги для переезда в Канаду.

Покидая таким образом Францию, он избавлял себя от унижения оказаться презираемым последним из дворян и рассчитывал довольно легко вновь составить состояние в Америке, уже тогда бывшей страной иллюзий по преимуществу.

Жена его умерла несколькими годами раньше, оставив ему двоих детей, с которыми мы скоро познакомимся; а поскольку другой родни, кроме старой тётки, почти такой же бедной, как он сам, у него не было, расстаться с Францией оказалось для него не так тяжело, как можно было бы предположить сначала.

В 168… году он вместе с сыном и дочерью взошёл на борт торгового судна «Фортуна», отправлявшегося из Сен-Мало в Квебек.

Едва они увидели американские берега, как за ними погнался бостонский корсар. Поскольку последний оказался более быстроходным парусником, чем французское судно, тому пришлось принять бой.

Всё артиллерийское вооружение «Фортуны» состояло из жалкой кулеврины, скорее способной убить обслуживавших её артиллеристов, нежели причинить вред неприятелю; между тем корсар из своих двенадцати орудий осыпал «Фортуну» градом ядер. Поэтому, когда капитан торгового судна решил пойти на абордаж как на последнюю попытку почти невероятного спасения, его команда уже наполовину была уничтожена неприятельскими снарядами.

Тем не менее, предпочитая славную смерть сдаче, он подошёл вплотную к корсару, изумлённому такой дерзостью, и забросил на него абордажные крючья.

Но силы были слишком неравны; после двадцати минут боя французский капитан был убит, а немногие оставшиеся в живых члены команды оказались ранены или взяты в плен. Господин д'Орси и его сын, сражавшиеся доблестно, тоже были ранены и попали в руки победителей.

Разъярённые столь упорным сопротивлением, из-за которого они потеряли нескольких своих товарищей, победители наложили руку на всё, что нашли на борту «Фортуны».

Бедному барону едва удалось спасти несколько золотых луидоров, находившихся при нём в минуту начала боя.

Троим пленникам, доставленным в Бостон, приказали оставаться там на положении интернированных; то есть они могли свободно передвигаться, но только в пределах города, покидать который не разрешалось под угрозой самых суровых наказаний.

Такой вид плена в ту же эпоху применялся и в Канаде.

В довершение несчастий раны господина д'Орси были чрезвычайно тяжёлыми; немногочисленные деньги, ускользнувшие от алчности корсаров, ушли на наём убогой каморки и оплату забот врача. Последнему удалось без труда вылечить молодого д'Орси, раненного не

слишком серьёзно; однако барону, которого обрушившиеся бедствия привели в состояние глубокого физического и душевного упадка, он почти не мог помочь.

Тогда сын стал давать уроки французского языка и фехтования, благодаря которым ему удавалось немного продлевать угасавшую жизнь отца и не давать младшей сестре Мари-Луизе умереть с голоду. Что до него самого, ему хватало малого.

Они, правда, написали своей тётке во Францию, в какой нужде находились; но ответ всё не приходил. Сообщение между берегами двух континентов было тогда чрезвычайно трудным и медленным.

Наконец, после долгих мучений, продолжавшихся до 1687 года, однажды летним вечером, когда заходящее солнце багрянцем окрашивало далёкое море, которое умирающий видел из окна, барон тихо угас, посвятив последнюю мысль Франции, бедный пленник, а последнюю слезу своего сердца — детям, бедный отец!

Луи ещё не вернулся, и Мари-Луиза, оставшись одна, готовила весьма скромный вечерний ужин.

Услышав глубокий вздох отца, она подходит к его постели и спрашивает, не нужно ли ему чего-нибудь; её вопрос остаётся без ответа. Обеспокоенная, она склоняется над ним и замечает, что его больше нет…

Обезумев от горя, она издаёт пронзительные крики и падает без чувств.

В этот миг мимо дома проходил английский офицер. Услышав женский голос, который, как ему показалось, звал на помощь, он останавливается и бросается через приоткрытую дверь на лестницу, ведущую туда, откуда доносятся крики. На втором этаже он видит мадемуазель д'Орси, лежащую без сознания возле двери, которую ей удалось лишь немного приоткрыть.

Увидев девушку без чувств, Хартинг сразу всё понимает и, подняв Мари-Луизу, укладывает её на жалкое ложе, стоящее в углу маленькой комнаты.

Будучи сам ещё молодым, офицер, почувствовав у себя на руках эту прекрасную девушку, ощутил, как жар прилил к его лицу, а сердце на мгновение забилось быстрее.

Но он оглядел комнату, ища какое-нибудь укрепляющее средство, способное привести Мари-Луизу в чувство, и взгляд его остановился на шпаге и кресте кавалера ордена Святого Людовика, висевших на голых, потрескавшихся стенах. Тогда, несмотря на бедность обстановки, по этим признакам, равно как по тонкости черт лица и рук молодой женщины, он понял, что обитатели этого жалкого жилища ещё не так давно знали лучшие дни.

Потом он вновь посмотрел на Мари-Луизу и нашёл её ещё красивее.

Не зная, наконец, что сделать, чтобы привести её в сознание, он выходит на лестничную площадку и зовёт на помощь, как вдруг оказывается лицом к лицу с Луи д'Орси.

— Вы здесь, господин Хартинг? — говорит ему Луи, узнав офицера, которому прежде давал уроки фехтования.

Англичанин рукой указывает ему на картину отчаяния, представшую в комнате.

Горькая истина предстаёт глазам Луи, который с душераздирающими рыданиями бросается на тело отца.

В этот миг прибегают соседки и хлопочут вокруг Мари-Луизы, всё ещё лежащей без чувств. Тогда Хартинг предлагает молодому д'Орси утешение и свои услуги. Но тот благодарит его взглядом, полным слёз, который даёт английскому офицеру понять, насколько тягостно ему сейчас его присутствие.

Хартингу оставалось как можно скорее удалиться; он так и поступил, однако прежде бросил долгий взгляд на Мари-Луизу, начавшую шевелиться на своей постели…

Через два месяца после этой тяжёлой утраты сироты получили письмо из Франции, извещавшее их о смерти тётки, завещавшей им то немногое, чем она владела. К письму, написанному прежним семейным нотариусом, были приложены деньги, вырученные от продажи небольшой усадьбы, единственного имущества их родственницы.

Дело в том, что, ознакомившись с письмом покойного барона, в котором тот сообщал о своём пленении и новых постигших его бедствиях, нотариус взял на себя смелость продать скромное поместье, чтобы переслать вырученные деньги несчастным пленникам.

Благодаря этой помощи Луи и его сестра смогли уплатить выкуп и добиться разрешения переехать в Канаду.

Однако в день их отъезда в Новую Францию английский офицер Хартинг пришёл навестить их. Впрочем, это был далеко не первый его визит после того рокового вечера, когда несчастье неожиданно привело его под кров молодых людей.

Что произошло во время этого последнего посещения? Об этом мы когда-нибудь расскажем читателю.

Мы, однако, не станем скрывать, что соседские кумушки заметили: выходя из жилища сирот, офицер выглядел одновременно пристыженным и разъярённым. Они даже слышали нечто похожее на ссору и видели, как, по неизменным словам соседок, молодой д'Орси резко распахнул перед посетителем дверь и столь же резко захлопнул её.

Бедные дети! Они не подозревали, какую опасную страсть и какое злобное воспоминание оставляли после себя в душе лейтенанта Хартинга. И они были так же далеки от предчувствия того, каким грузом любовь и озлобление этого человека лягут на весы их судьбы.

Благополучно прибыв с сестрой в Канаду в конце 1687 года, д'Орси поселился в Квебеке. Некоторое время спустя в одной из морских рот освободилась должность лейтенанта; Луи удалось получить её благодаря одному блестящему поступку во время столкновения с индейцами, после которого его тотчас рекомендовали господину де Фронтенаку[13].

Именно в стычках, столь частых в те тяжёлые времена, д'Орси познакомился с Франсуа де Бьенвилем; и поскольку они часто сражались плечом к плечу, вскоре их связала искренняя дружба; к тому же голубые глаза мадемуазель д'Орси очаровали Франсуа, который, что вполне естественно при подобных обстоятельствах, признался Луи в своих чувствах.

Можно полагать, что Луи весьма одобрял сначала зарождение, а затем и быстрое развитие любви между своей сестрой и лучшим другом, которые к тому времени, когда мы войдём в круг их близких отношений, уже были помолвлены.

Теперь наших читателей не удивит, что молодой Ле Муан столь проворно направлялся к дому, под кровом которого жила его возлюбленная.

По крошечному лучику света, на мгновение пробившемуся сквозь щель одних из ставен, молодой человек понял, что в доме ещё не спят. Поэтому он тотчас постучал в дверь, предварительно шумно переведя дыхание, чтобы отдышаться, ибо от быстрой ходьбы он немного запыхался. Внутри послышались шаги, затем мужской голос спросил:

— Кто там?

— Бьенвиль.

После его ответа вслед за двумя радостными восклицаниями, раздавшимися внутри дома двумя разными голосами, послышался лязг засовов, и дверь широко распахнулась, чтобы затем закрыться за гостем.

Если мне заметят, что наш дворянин допускает серьёзное нарушение приличий, позволяя себе визит в такой час, я отвечу, что тогда наши нынешние холодные и чопорные церемонии ещё не были завезены в эту страну. Ибо в те добрые старые времена друга всегда ждало кресло у домашнего очага, а в хлебном ларе всегда находился кусок хлеба, который от всего сердца предлагали путнику, в какой бы час он ни прибыл.

Я даже осмелюсь утверждать, что из двух друзей неизменно счастливее был тот, кто принимал другого.

---

[13] Французским губернаторам разрешалось ежегодно предоставлять четыре офицерских патента на должности в морских ротах в пользу молодых канадцев.

Прежде чем набросать портрет моей героини, позвольте сказать вам, что при появлении Бьенвиля она сначала поспешно поднялась и шагнула ему навстречу. Но этот первый порыв сердца, выразившийся в первом движении, тут же был сдержан присущей ей девичьей застенчивостью: она остановилась, покраснев и почти смутившись.

— Мадемуазель, — сказал вошедший, изящно поклонившись, — я пришёл несколько поздно, не правда ли?

— Нисколько, господин де Бьенвиль, — ответила она с чарующей улыбкой, в которой словно выразилась вся её душа, тогда как усиливавшийся румянец щёк достиг самого яркого оттенка. — Друзей всегда ждут, и они никогда не приходят слишком поздно, — прибавила она, протягивая ему руку.

— Ты понимаешь, Франсуа, — подхватил Луи д'Орси, с чувством пожимая гостю руку, — хорошо сказано, не правда ли? И, что ещё лучше, вполне искренне. За это я ручаюсь, — закончил он, глядя на сестру, которая, уже не в силах краснеть, внезапно побледнела от волнения.

— Но полно, полно, довольно церемоний! Садись, а потом расскажешь нам новости, которые успел собрать по дороге из Монреаля в Квебек. Между хорошим другом и невестой не может не найтись, о чём поговорить, особенно если кстати появится маленький кубок того самого вина, которое ты считаешь хорошим и которого у меня ещё осталось несколько бутылок в погребе. Но разве ты не ужинал?

— О, ещё как, дружище, причём в замке и даже вместе с господином де Фронтенаком. Но ты не знаешь, что ожидало меня к десерту? Ну же, подумай немного.

— Чёрт возьми! — произнёс Луи, уже направлявшийся к погребу, но обернувшийся на слова гостя; — чёрт возьми! какая-нибудь полная чаша старого хереса, забытого на несколько лет в углу винных подвалов; ведь мне говорили, что там множество бутылок вин лучших урожаев дремлет в пыли, ожидая, пока дворецкий не озарит для каждой из них великий день воскресения.

— Ага! Ага! Болтливый эпикуреец, как же ты далёк от истины! Правда, поначалу я почувствовал себя слегка опьянённым, но уверяю тебя, божественный виноградный сок не имел ни малейшего отношения к этому опьянению. Одним словом, дружище, это всего-навсего патент прапорщика в морской роте, где ты служишь лейтенантом и которой командует мой брат Марикур.

— Браво! Браво! — воскликнул Луи, тотчас вернувшийся назад, чтобы по-дружески стиснуть правую руку товарища в знак поздравления. — Значит, у нас двойной повод вышибить пробку, — прибавил он, вновь направляясь к погребу.

Пока Бьенвиль и мадемуазель д'Орси, оставшись одни, предаются тем первым порывам сердца, которые уста двух влюблённых так хорошо умеют выразить, мне кажется, что настал самый подходящий момент набросать портрет моей героини. И в самом деле, во время этих коротких излияний двух влюблённых, оставшихся наедине, ни одно постороннее ухо не имеет права вмешиваться.

Лишь их ангел должен быть посвящён в эту тайну, тот, кто порхает между ними, чтобы собирать эти целомудренные признания и относить их на небеса, где сам Бог распоряжается ими во благо тех, чья душа ещё молода и чиста.

Хотя Мари-Луизе ещё не исполнилось двадцати лет, она находилась в самом расцвете женской красоты. Высокая, свежая и румяная, она сразу давала понять, что молодому растению не недоставало ни воздуха, ни солнца; то есть, одним словом, она не походила на большинство нынешних юных красавиц, по крайней мере городских, которых нездоровый воздух городов и убийственная атмосфера бальных залов делают такими бледными и прозрачными в том возрасте, в каком была наша героиня.

Тысяча извинений перед дамами, моими читательницами, которым может показаться, будто я рисую портрет крестьянки.

Пышность линий и форм нисколько не исключала в мадемуазель д'Орси аристократической утончённости. Прежде всего оживлённый цвет её лица, свидетельствовавший о богатой и деятельной крови, только ярче оттенял белизну её кожи.

Затем густые белокурые волосы обрамляли её лицо и шелковистыми локонами струились по плечам; между тем её глаза, глубокого небесно-голубого цвета, искрились весёлостью и умной невинностью, а улыбка, одновременно приветливая и гордая, играла на губах, совершенных по цвету и очертаниям. Не поручусь, что эта улыбка не имела иногда намерения показать два прекраснейших ряда зубов, когда-либо выходивших из рук Творца.

Наконец, когда в завершение я скажу, что маркизы при дворе великого короля позавидовали бы её рукам, что стан её был гибок, как стебель пшеничного колоса; что ножки её были настолько малы, что самая знатная китаянка Поднебесной бросилась бы очертя голову в Голубую реку, пожалуй, все признают, что мадемуазель д'Орси без труда нашла бы поклонников в самых модных наших салонах.

Нет ничего естественнее для невесты Бьенвиля, чем этот союз силы и врождённой утончённости. Она происходила из благородного рода, а солнце и чистый воздух Нового Света придали ещё больше силы и жизненного сока молодому цветку, который, хотя и был пересажен, не утратил ни одного отличительного качества своего сословия. Голову её покрывали волосы, наполовину завитые мелкими кудрями, наполовину ниспадавшие локонами. На ней было чёрное бархатное платье, приоткрытое на груди и украшенное оборками.

Поскольку она придерживала слегка подобранный подол платья, можно было видеть сначала широкое кружево, окаймлявшее нижнюю юбку, а затем её крошечные ножки в туфлях на высоких каблуках и с золотыми украшениями[14].

Наши молодые люди только что обменялись одним из тех магнетических взглядов, которые говорят больше сотни томов, когда д'Орси вошёл в комнату, неся под каждой рукой бутылки, которые пауки с удовольствием нарядили в ткань собственного изготовления.

— Дорогой друг, — сказал он, поставив их на стол под рукой, — будь в моём распоряжении погреба замка Сен-Луи, я мог бы достойно отпраздновать твоё возвращение и добрую весть о твоём повышении. Но что поделаешь? Между винным погребом графа де Фронтенака и моим, разумеется, должна быть такая же разница, как между нашими особами. Однако я полагаю, что это старое вино из Грава не вовсе лишено вкуса.

Оно происходит из погреба замка моей бедной тётки, и, если ещё не достигло совершеннолетия, в чём я очень сомневаюсь, мы всё же постараемся освободить его сегодня вечером от опеки.

Пока мадемуазель д'Орси подаёт двум нашим друзьям серебряные кубки[15], бросим беглый взгляд на дом, чтобы при случае хорошо в нём ориентироваться.

Нижний этаж, где находились молодые люди, делился на четыре комнаты: сначала, справа от входа, располагалась кухня — неудачное место, не правда ли? Ничего не могу поделать, таков был вкус эпохи. — Совсем рядом находилась большая комната с обширным камином, возле которого теснились наши новые знакомые, греясь у весёлого огня, разыгравшегося там вовсю.

Всё убранство этой комнаты состояло из стола, нескольких стульев, ковра местного изготовления и двух шкафов, устроенных в стене, которые мадемуазель д'Орси, приоткрыв их мгновение назад, показала нам до отказа заполненными чистенькой домашней посудой. Далее

---

[14] Таков был наряд знатной женщины в конце семнадцатого столетия. См. Монтей.

[15] Стаканы для питья в Новой Франции тогда употреблялись весьма редко; состоятельные семьи пользовались чашами или кубками из массивного серебра. В знатных и богатых семьях Франции кубок был золотым и имел выгравированный герб хозяина.

слева вы видите маленькую комнату девушки, голубиное гнёздышко со свежими изящными занавесками и таинственной постелью, белой, как птица, каждую ночь прячущаяся в ней.

Наконец, комната Луи, на стенах которой развешаны ружья, шпаги, пистолеты и перевязи.

На чердаке отвели комнату домашней служанке, доброй старушке, которая нянчила обоих детей на коленях и хотела окончить свои дни рядом с ними.

Но простите, читатели, я замечаю, что в первые минуты волнения, вызванного прибытием Бьенвиля, забыл представить вам Луи д'Орси, хозяина дома. Ему было лет двадцать пять; он был брюнетом, высоким, крепким, весёлым по нраву, отважным солдатом и хорошим офицером.

— Так что же, возле Монреаля некому ни наносить, ни получать удары, раз ты здесь? — начал Луи, наполняя вином кубок гостя.

— Эх, дружище, разве ты не знаешь, что раздоры и оспа прогнали от наших границ господ англичан и их индейских союзников так, будто они уже почувствовали наши шпаги у себя в спине?

— Нет.

Бьенвиль рассказал о знакомых читателю событиях, связанных с провалом замысла Уинтропа.

— Но, судя по всему, — сказал он в заключение, — нам не удастся так дёшево отделаться, поскольку английский флот может появиться у наших стен со дня на день.

— Тем лучше, — возразил д'Орси, — ведь ты знаешь, что у меня более чем достаточно причин ненавидеть англичан[16]. Поэтому мне не терпится расплатиться с ними за обиды, за которые я задолжал им месть.

— Значит, твои желания вскоре исполнятся в полной мере, ибо скоро здесь станет жарко. Что ж, тем лучше! Моя шпага уже начинала ржаветь, хотя совсем недавно видела свет в Гудзоновом заливе.

— О! Да, кстати, ты напомнил мне, что я должен закончить письменный рапорт, над которым работал, когда ты приехал, и который майор Прево поручил мне составить о численности и снаряжении нашей роты. Поскольку я должен представить его завтра утром, ты ведь меня извинишь, не так ли?

— Ступай, ступай, дружище, дисциплина прежде всего.

— Впрочем, — продолжил Луи, — я скоро закончу и, думаю, моя сестра составит тебе хорошую компанию, пока меня не будет.

Он вышел, смеясь, и отправился в свою комнату, откуда сразу же послышался скрип пера, быстро бегавшего по бумаге.

Во время предыдущего разговора Мари-Луиза, сидевшая поодаль, ничего не произносила; и, если бы не несколько украдкой брошенных время от времени взглядов на жениха, можно было бы подумать, что её мысли и сердце очень далеки от него, такой печальной и озабоченной она казалась.

— Боже мой, Луиза, — сказал Бьенвиль, подойдя к ней, — вы кажетесь мне очень грустной!

---

[16] Здесь я должен предупредить читателя, что нисколько не собираюсь пробуждать старую ненависть. Поскольку я хочу изобразить определённую эпоху, мне необходимо представлять её такой, какой она была; то есть с её антипатиями и предрассудками. Поэтому не следует удивляться, если мои персонажи ежеминутно проявляют свою враждебность к своим неприятелям — англичанам, с которыми им приходилось сражаться каждый день.Если бы мне пришлось написать роман о современных нравах, мои персонажи, без сомнения, говорили бы иначе; и в нём, если бы я хотел оставаться верным действительности, не пришлось бы видеть, как молодая франкоканадка отвергает любовь молодого и блестящего британского офицера. Иные времена, иные нравы.

Белокурая девушка, остановив на нём один из тех долгих взглядов, от которых два молодых сердца начинают сильно биться, сказала:

— Как же мне не быть грустной, когда я знаю, что вы постоянно подвергаетесь опасности? — ответила она, а слеза блестела на краю её длинных ресниц. — Едва вы вернулись из Гудзонова залива, откуда я каждый день со страхом ожидала ужасного известия о какой-нибудь беде, и вот мне снова предстоит пережить все муки, разрывавшие моё сердце с той поры, как я вас полюбила.

— Вы дитя, Луиза, со своими ребяческими страхами. Вы же видите, что Провидение оберегает меня, раз за восемь лет, на протяжении которых я воевал то там, то здесь, я не получил ни одной серьёзной раны.

Мари-Луиза с сомнением покачала своей прекрасной головой, отчего из её глаза выкатилась слеза, которую мы там заметили.

Франсуа, увидев, как она скатилась по внезапно побледневшей щеке девушки и упала на её маленькую руку, схватил пальцы невесты и, поднеся их к губам, долгим поцелуем выпил эту первую слезу, которую любовь уронила между ними.

— Что же делать, дорогая, — продолжил он, лаская девушку взглядом, — солдат обязан служить своей стране и своему королю. Разве вы хотели бы, чтобы я оставил службу?

— О! Нет, дорогой друг, — и Мари-Луиза вложила обе свои руки в руки военного, — о! Нет, Франсуа. Ведь я люблю вас таким, каков вы сегодня, с вашей храбростью, вашими славными военными подвигами и этой длинной шпагой, которую вы так хорошо носите. Но всё же…

— Полноте, не плачьте больше, Мари-Луиза, а не то я не открою вам одного секрета, который приберёг к концу вечера.

— О! В таком случае с этим покончено, — сказала она, придав голове одно из тех кокетливых движений, тайна которых ведома лишь женщинам. — Ну, говорите же!

— Я хочу, чтобы вы стали носить моё имя, как только мы отобьём англичан; что, на мой взгляд, займёт не более двух недель.

— Боже! Какое счастье!..

И она слегка отвернула голову, чтобы скрыть румянец, который это неожиданное признание вызвало на её щеках.

Но внезапно её взгляд с ужасом останавливается на кухонном окне, которое ей видно с места, где она сидит. Затем она издаёт пронзительный крик и придвигается к молодому человеку.

— Что случилось, Луиза?

— Посмотрите!

Бьенвиль устремляет взгляд в направлении, указанном дрожащей рукой девушки; но не видит ничего, кроме створки ставен, с шумом захлопывающейся снаружи.

— Но, дорогая, это, наверное, ветер?

— Нет! Нет! Я и сейчас его вижу..... какой он ужасный!

Тогда Франсуа и Луи — крик сестры только что привёл последнего к девушке — выходят осмотреть окрестности.

Было одиннадцать часов, и лишь несколько звёзд бросали слабый, неверный свет на спящий город.

Двум друзьям всё же удалось различить две словно бы тени: одна бежала к епископскому дворцу, а другая поднималась по улице Бюад и спокойным шагом направлялась к собору.

— За мерзавцем, который убегает! — крикнул Бьенвиль, обнажая шпагу.

И оба бросились в погоню за беглецом.

Но последний, имевший небольшую фору, ещё проворнее заработал ногами, увидев, что его преследуют; так что внезапно исчез возле больших ворот, через которые можно было пройти во двор епископского дворца.

— Пусть с меня снимут скальп, — воскликнул д'Орси, — если я хоть что-нибудь понимаю! Эти ворота, однако, заперты крепко, а стена, как мне кажется, слишком высока, чтобы через неё можно было так быстро перелезть.

Они прислушивались, пытались пронизать глазами темноту, осматривали окрестности, но тщетно; тень, за которой они гнались, исчезла, словно призрак.

Сочтя дальнейшие поиски бесполезными, Бьенвиль и д'Орси повернули назад.

Вернувшись в дом, они увидели, что мадемуазель д'Орси занята заряжанием пистолетов брата. Молодые люди не могли удержаться от улыбки, однако не нашли в этом ничего странного.

В те военные времена, когда неожиданные налёты и нападения шли рука об руку и столь часто повторялись, обращение с огнестрельным оружием было не чуждо канадским дамам. Некоторым из них даже удалось навеки прославиться хладнокровием и храбростью, проявленными при отдельных критических обстоятельствах: например, госпоже де Вершер и её дочери, чьи имена вошли в историю наряду с Жанной Ашетт и другими женщинами столь же крепкого закала.

— Полноте, полноте, прелестная амазонка, — сказал Бьенвиль своей невесте с улыбкой, — оставьте это оружие, которое так не идёт вашим хорошеньким пальчикам, и скажите нам, что вас напугало.

— Боже мой! — произнесла она, содрогаясь, — мне кажется, я до сих пор вижу это ужасное лицо, прижатое к окну и смотревшее на меня горящими глазами!

— Это обман зрения, — ответил Франсуа, который, желая избавить любимую от всякой тревоги, прибавил:

— Кроме того, мы ничего не видели.

— Совершенно ничего?

— Ничего.

— Странно; однако…

— Ну же, успокойтесь. Я возвращаюсь в замок, и, если встречу на пути какую-нибудь подозрительную физиономию, уверяю вас, я отобью у неё охоту приходить гримасничать у вашего окна. Да и чего вам бояться, когда с вами брат?

Бьенвиль учтиво поклонился Мари-Луизе, пожал руку д'Орси и вышел.

Но напрасно его глаза вопрошали темноту. Ночь не отвечала, и эхо мирного города лишь изредка едва доносило до него крики часовых:

— Часовые!.. Будьте начеку!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ВОЛЧИЙ ЗУБ.

В тот самый вечер, когда происходили только что описанные события, несколько больших военных кораблей, а также множество транспортных судов стояли на якоре у подножия острова Орлеан, напротив церкви Сен-Лоран-де-л'Арбр-Сек. Это были тридцать четыре судна сэра Уильяма Фипса, о внезапном появлении которых у восточной оконечности острова мы расскажем позднее.

В октябре темнеет рано; поэтому около семи часов вечера флот уже был окутан мраком, когда на палубе флагманского корабля внезапно блеснул свет фонаря. Пройдя через всю ширину палубы, он остановился и склонился к левому борту. Тогда можно было увидеть двух человек, одной рукой державшихся за трап, спускавшийся вдоль борта корабля, а другой поддерживавших за оба конца лёгкое берестяное каноэ.

Лодку с величайшей осторожностью спустили и поставили на воду. Наконец один из мужчин, перебравшись в утлое судёнышко, опустился в нём на колени, вооружившись веслом, которое сжал крепкой рукой. Одним взмахом весла он развернул каноэ, которое прилив уже начал относить от корабля, и расположился так, чтобы иметь возможность вполголоса говорить со своим спутником.

Тот спустился на последнюю ступеньку, рискуя промочить ноги волнами, которые слегка вздымал лёгкий юго-восточный ветер, и наклонился к человеку в каноэ, шепнув ему на ухо:

— Хорошо ли ты помнишь все мои наставления?

— Уши Волчьего Зуба всегда открыты, чтобы слышать голос друга, — ответил другой.

— Хорошо, но будь осторожен.

— Братья Волчьего Зуба называют его также Хитрым Котом, — возразил человек в каноэ.

— Ладно! Отправляйся и возвращайся скорее, — сказал стоявший на трапе, жестом отпуская его.

Последний погрузил весло в воду и исчез.

Волчий Зуб принадлежал к великому ирокезскому народу и входил в племя агнье, обитавшее по берегам реки Мохок, впадающей в Гудзон. Он был одним из самых могущественных вождей своего племени, равно как и одним из самых бесстрашных воинов, когда-либо пробуждавших своими боевыми кличами эхо лесов Новой Франции.

Рост Волчьего Зуба составлял шесть футов, и его конечности были развиты соразмерно его высокому росту. Наделённый необыкновенной мускульной силой, он был грозой соперничающих племён.

Поэтому, когда Волчий Зуб возвращался в деревню после военного похода и гордо смотрел на женщин-мохоков, сбегавшихся ему навстречу, чтобы пересчитать кровавые скальпы, свисавшие с его пояса в качестве трофеев, не одна молодая индианка со вздохом говорила: «Счастлива будет та, что поселится в вигваме храбрейшего из воинов!»

Это, однако, не мешало Волчьему Зубу насчитывать двадцать восемь вёсен в то время, когда мы выводим его на сцену, хотя ни одна женщина так и не сумела отыскать путь к его сердцу. Любовь не могла взять верх над этим железным человеком, который, казалось, пьянел лишь от крови и испытывал счастье только в упоении схваткой.

Несмотря на свою страшную руку и крепкие ноги, Волчий Зуб попал в плен к канадцам, участвовавшим в походе на Скенектади. Вождь устроил засаду на их пути и внезапно напал на них, когда они возвращались домой. Но на этот раз победа оставила его, и он, раненный, рухнул на груду трупов, которые вокруг него поверг его страшный томагавк.

Увидев его падение, соплеменники обратились в бегство, а Волчьего Зуба, крепко связанного, доставили в Квебек весной 1690 года.

Между тем его раны зажили ещё в пути, и силы почти полностью вернулись к нему, когда его заперли в одном из нижних помещений замка Сен-Луи. Было известно, что он вождь, а значит, представлял собой ценного заложника, которого можно будет выгодно обменять на пленных.

Поскольку окна помещения, в котором его содержали, были защищены железными прутьями, выглядевшими весьма прочными, за него не тревожились, и он мог ходить по своему жилищу во всех направлениях совершенно свободно. Видя это, Хитрый Кот принялся упражняться в гимнастике, то есть проводил дни, подпрыгивая и вытягивая руки и ноги, вероятно, чтобы оправиться от больших тягот только что проделанного пути.

В остальном же он держался столь смирно, что никто не видел ничего дурного в том, чтобы он таким образом развлекался в тягостном плену; поэтому ему ничуть не ограничивали возможность упражнять свои мышцы.

Однако его стражи испытали бы самые серьёзные подозрения, если бы могли видеть, какими яростными объятиями он по ночам обхватывал решётку, отделявшую его от свободы. Ибо, когда наступала темнота, сын лесов бесшумно покидал свою подстилку и повисал на прутьях темницы; там, упираясь всем телом и напрягая мышцы, он с чудовищной силой раскачивал эти крепкие железные стержни.

Пальцы его кровоточили, руки выкручивались, мышцы трещали от неистовых усилий, но всё напрасно: ничто не уступало, ничто не гнулось.

Тогда, разбитый усталостью, побеждённый бесплодностью такой борьбы, обезумевший и задыхающийся, Волчий Зуб падал совершенно обессиленный, бросая отчаянный взгляд на звёзды, мерцавшие высоко там, на свободном небосводе.

Так прошло пятнадцать дней; так протекли пятнадцать ужасных ночей, в течение которых лесной человек в бешенстве извивался перед несокрушимыми прутьями своей темницы.

В ту пору в Квебеке жил некий Жан Буадон, содержатель гостиницы по ремеслу. Его отец, Жак Буадон, был первым канадцем, которому разрешили держать гостиницу в Квебеке, причём это исключительное право было предоставлено ему одному.[17]

Мэтр Жан Буадон, который около 1680 года сменил своего отца, уже появлявшегося у нас в «Кавалере де Морнаке», был тридцатипятилетним человеком в то время, когда Волчий Зуб томился в плену в замке Форт. Толстый и низкорослый, наш гостиничник с первого взгляда походил на винную бочку. Но при более внимательном рассмотрении его своеобразие становилось ещё заметнее.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на нашего человека, — это большое винное пятно огненно-фиолетового цвета, тянувшееся зигзагом, словно крылья летучей мыши, от кончика его крючковатого носа до левого уха; затем — борьба, которой, казалось, угрожали друг другу его нос и подбородок, так кичливо выдавались они навстречу один другому, тогда как рот, словно опасаясь, что дело дойдёт до схватки, благоразумно отступал назад, в углубление, образованное выпуклостью двух его соседей.

Затем на его пухлых, разрумянившихся щеках, свидетельствовавших о том, что он нередко снисходил до питья за… вечную жажду своих посетителей, кое-где виднелись редкие рыжеватые волоски, которые, казалось, с презрением взирали на странную почву, где никак не решались разрастись. Под низким лбом скрывались маленькие серые глаза, вечно двигавшиеся и имевшие плутоватое выражение.

Наконец, примечательной чертой Жана Буадона было стремление его пальцев судорожно сжимать всё, за что они хватались; и поскольку наш хозяин гостиницы, по слухам, любил свои экю больше, чем достойную супругу, госпожу Жавотту, урождённую Буавен, злые языки не упускали случая сказать, что привычка удерживать и пересчитывать в кармане попадавшие туда экю была единственной причиной уродства его пальцев.

Между нами говоря, злые языки были отчасти правы, и вскоре мы сможем в этом убедиться.

Гостиничник страдал манией накопительства; а этот род безумия предполагает существование средства, которое одновременно возбуждает и питает подобное вожделение к металлу, составляющее голод скряг. Этим средством было золото, и у Буадона в нём недостатка не имелось.

И действительно, поскольку Буадон-отец долгое время поил своих современников, не имея соперников, он скопил кое-какие деньжонки, которые его достойный сын только и думал ещё увеличить, продолжая отцовскую торговлю.

---

[17] Этот разрешительный акт можно найти среди сохранившихся постановлений совета, учреждённого в 1648 году губернатором господином д'Айбу. «Жак Буадон будет жить на большой площади, возле церкви, чтобы всякий мог прийти к нему погреться. Он не должен никого оставлять у себя во время торжественной мессы, проповеди, катехизиса и вечерни».

В доказательство того, что трактирщики уже тогда пользовались некоторой популярностью и что количество выпиваемого, должно быть, было весьма значительным, можно прочитать распоряжение интенданта Жака Родо, «составленное в Квебеке, в его резиденции, семнадцатого августа тысяча семьсот шестого года». Это распоряжение начинается так:

«Будучи извещены о беспорядках, ежедневно происходящих в этом городе вследствие вольности, с которой содержатели кабаков и гостиниц позволяют себе поить посетителей всю ночь; для устранения этого злоупотребления: мы повелеваем закрывать все кабаки и гостиницы в девять часов вечера» и так далее, и так далее.

Поскольку ничто не указывает нам на то, что это злоупотребление не зародилось ещё у Буадонов (фамилия, весьма заманчиво звучащая для клиентов), у нас есть все основания полагать, что Жан, второй носитель этого имени, спокойно наживал состояние, хотя и перестал быть, подобно отцу, единственным гостиничником в Квебеке, когда в один прекрасный майский день 1690 года явился в замок Сен-Луи.

На нём были остроконечная шляпа, коричневый кафтан, высокие штаны, украшенные лентами, плотно облегавший камзол с батистовым воротником и кисточками.[18]

Гостиничника, снабжавшего вином кладовую замка, сопровождал маленький Буадон, первый плод его законной любви к супруге, госпоже Жавотте.

Пока мальчик изо всех сил нёс корзину с вином, отец вытирал лицо и шумно дышал, утомлённый подъёмом на холм, где стоял замок.

Потея и отдуваясь, наш человек вошёл в резиденцию губернатора через дверь, открывавшуюся в одну из хозяйственных пристроек.

Жан Буадон, за которым всё так же следовал его сын, сделал несколько шагов по довольно тёмному коридору и направился к двери в нише, ведущей на кухню. Здесь наш гостиничник, как человек воспитанный, постучал, чтобы объявить о себе.

— Откройте! — крикнул изнутри гнусавый голос.

— Добрый день, папаша Сосье, — сказал Буадон и, открыв дверь, весьма дружески приветствовал маленького толстяка с весёлым лицом и выпуклым животом. Тот с важным видом снимал пену с мясной похлёбки, варившейся в котле, аромат которого защекотал крючковатый нос вошедшего.

— Ба! Да это вы, господин Буадон; входите, входите. Садитесь, господин Буадон. Эй, ты! — прибавил он, грубо обращаясь к помощнику, который, обливаясь потом, вращал вертел, — ну! Уступи свой стул господину Буадону.

Читателю, пожалуй, покажется забавной подобострастная учтивость мэтра Оливье Сосье, главного повара губернатора, по отношению к гостиничнику. Но если я добавлю, что он задолжал хозяину десять экю за многочисленные меры вина, выпитого у стойки последнего, никто не увидит в этом ничего неестественного.

Буадон, который при всей своей великой преданности звонкой монете обладал обычным для скряг здравым смыслом, то есть расчётливостью, остерегался ссориться с Сосье из-за денег, которые тот ему задолжал. Ведь благосклонность повара приносила ему в замке весьма недурные барыши. Поэтому он лишь намёками заговаривал с ним о долге и неизменно являл ему улыбающееся лицо.

Разумеется, со своей стороны Оливье Сосье также не собирался сердиться на некоторые намёки, которые Буадон время от времени позволял себе в адрес своего должника.

— А как здоровье, папаша Сосье? — спросил наш человек, тяжело опускаясь на стул.

— Довольно хорошо, как видите, господин Буадон; а ваше?

— Неплохо.

— Вино, полагаю, хорошо продаётся?

[18] Таков был, согласно Монтею, костюм простолюдина в конце XVII века.

— Э-э! Да… но… не всегда за наличные.

— Ах, что поделаешь, это одно из неудобств ремесла, — ничуть не смутившись, ответил мэтр Оливье Сосье, который, по-видимому, не понял колкости, выпущенной его кредитором.

— Но раз уж мы заговорили о вине, — продолжил Буадон, — вот несколько бутылок, которые я принёс для кладовой, как вы и просили.

— Отлично! Отлично! Сейчас же я за них заплачу, — ответил повар, у которого деньги хозяина не так отягощали пальцы, как собственные. — Что нового в городе, господин Буадон?

— Ничего; а здесь?

— Почти ничего… кроме дикаря.

— Какого дикаря?

— Вождя тех, кого наши люди недавно привели из верхних земель.

— Ах да! Мне и в самом деле говорили, что в последнее время многие ходят на него смотреть. Ну что, сбежал ваш дикарь?

— Сбежать! По-вашему, это так легко? Пусть он сколько угодно точил зубы о кости себе подобных, уверяю вас, они ещё недостаточно остры, чтобы прогрызть стены и решётки его темницы. Но смотреть на него всё-таки забавно.

— Каким же образом? — спросил гостиничник, у которого любопытство чуть приоткрыло микроскопические глазки.

— Представьте себе, господин Буадон, — с готовностью ответил повар, весьма довольный тем, что увёл разговор на почву менее скользкую, чем прежняя, — представьте себе, что этот дикарь — нечто вроде обезьяны. Первые два дня, которые он провёл здесь, он сидел тихо. Но с прошлой недели вдруг начал прыгать, вертеться и вообще так суетиться, что можно умереть со смеху, глядя на него.

Прибавьте к этому, что время от времени он затягивает песни и поёт их с такой силой, что уши собак его светлости, кажется, вот-вот отвалятся, так сильно те страдают, слушая его рёв. Впрочем, он кроток, словно ягнёнок, господин Буадон.

— Можно на него взглянуть?

— Разумеется, разумеется, — ответил Сосье, который был не прочь столь малой ценой избавиться от своего кредитора. Вы увидите, какими славными кусками золота этот мерзавец украсил себе уши.

Тут глаза скряги почти достигли размеров, обычных для этих органов у прочих людей. Но он не желал обнаруживать своей алчности.

— Ба! — произнёс он с недоверчивым видом, — должно быть, какой-нибудь кусок меди!

— Да-да, меди! Пойдите взгляните, господин Буадон, а потом скажете мне, не хотелось бы вам получить несколько пригоршней такой меди. Тем более что, говорят, этот молодец сумел хорошенько спрятать её от солдат во время пути и лишь после прибытия в замок ирокез снова надел свои серьги. Видите ли, он знает, что находится под защитой губернатора.

— Мне хотелось бы на это посмотреть, — сказал гостиничник с видом человека, наполовину убеждённого.

— На что именно? На золото или на пленника?

— Да, на золото… то есть на дикаря.

— Сейчас вам их покажут. Эй, Мутонне, подойди сюда! — крикнул он помощнику, который возился в углу, выискивая слизней между капустными листьями. — Ну, живее! Ступай, покажи господину Буадону комнату дикаря. И не забудь сказать часовому, что господин — наш друг, — добавил он, дружески хлопнув Жана Буадона по животу.

Буадон-сын очень хотел последовать за отцом, чтобы тоже поглядеть на этого дикаря, о котором только что услышал рассказ, способный разжечь его воображение. Но поскольку достойный папаша велел ему дожидаться на кухне, мальчишке пришлось безропотно терпеть зуд любопытства.

Пройдя несколько коридоров, Буадон и его проводник добрались до двери комнаты, окно которой выходило на улицу. Но вооружённый солдат, стоявший на страже у входа в это помещение, преградил им доступ, выставив оружие поперёк пути.

— Господин солдат, — сказал тогда поварёнок, в то время как Буадон почтительно отступил подальше от штыка[19], которым было снабжено солдатское ружьё, — мэтр Сосье просит вас позволить его другу, господину Буадону, взглянуть на дикаря.

— А! Вы господин Буадон? — спросил военный, подняв ружьё.

— Да, сударь.

— Господин Жан Буадон, гостиничник?

— Да, сударь… к вашим услугам.

Солдат, не заметив ничего угрожающего ни в поведении, ни во внешности гостиничника, повернул ключ, оставшийся в замке, и открыл дверь перед нашим любопытным посетителем, немного отойдя назад.

Поварёнок, который, вероятно, уже не раз видел лесного человека, лишь рассеянно заглянул в комнату пленника и отправился обратно чистить капусту.

Тогда Буадон сделал шаг вперёд, потом второй, но не торопясь. Причина этой обдуманной медлительности заключалась в том, что наш человек питал к жизни почти столь же сильную слабость, как и к деньгам. А поскольку дикари в ту пору пользовались в Канаде весьма дурной славой, гостиничник содрогался при одной мысли о том, что ему исподтишка нанесут томагавком удар по черепу. Ведь дверь была лишь приоткрыта и ещё не позволяла ему увидеть ирокеза.

Однако, поскольку из комнаты не доносилось ни звука, а ему было стыдно проявлять перед часовым столько нерешительности, Буадон сделал ещё один шаг и оказался на виду у дикаря.

Тот сидел на корточках на тюфяке в глубине своей темницы. Уперев оба локтя в колени, он размышлял. Так велика была его погружённость в себя или апатия, что сперва он едва удостоил нового посетителя взглядом. При известии о поимке дикаря множество людей приходило из любопытства посмотреть на него, чем и объясняются безразличие Волчьего Зуба и снисходительность часового, позволившего Буадону разглядывать ирокеза.

Первой мыслью скряги было взглянуть на уши пленника, и увиденное невольно исторгло у него короткий возглас удивления.

Солдат, дежуривший в коридоре, принял этот возглас за проявление простого и наивного любопытства, презрительно пожал плечами и, решив, что перед ним просто глупец, восторгающийся грубым дикарём, снова принялся прохаживаться взад и вперёд, насвистывая военную мелодию.

Однако дикарь поднял голову и, заметив глаза Буадона, которые, теперь широко распахнутые, казалось, хотели жаром своих взглядов расплавить два самородка золота, висевшие в ушах Волчьего Зуба, в свою очередь остановил взгляд на Жане Буадоне.

— Ах, Господи Иисусе! — пробормотал последний, — они весят не меньше четырёх унций каждый!

Лесной человек не понял ни слова, и всё же в его пылающих глазах блеснул луч надежды и радости. Человек цивилизации настолько плохо скрывал своё изумление и алчность, что человек природы, Хитрый Кот, сразу распознал скупца.

— И это… настоящее! — продолжал бормотать Буадон, складывая руки.

Тут Волчий Зуб сделал знак, чтобы привлечь внимание гостиничника, и, убедившись, что тот за ним наблюдает, изобразил человека, подпиливающего что-то твёрдое, после чего указательным пальцем коснулся одного из золотых самородков. Затем он подражал движениям

[19] Именно при Людовике XIV в армии Франции начали применять штык.

того, кто режет какой-то предмет острым орудием, и указал тем же пальцем на другой кусок золота. Наконец он сделал вид, будто снимает обе серьги и отдаёт их гостиничнику.

Эта пантомима означала, и Буадон прекрасно её понял: «Достань мне напильник и нож, и это золото станет твоим».

Скряга быстро оглянулся, чтобы удостовериться, не наблюдает ли за ним солдат.

Совершенно успокоившись, он просунул корпус внутрь комнаты, утвердительно кивнул, приложил палец к губам и прошептал слово «завтра». После этого, придав лицу самое добродушное выражение, какое только смог отыскать, мэтр Буадон тихонько прикрыл дверь, обменялся несколькими ничего не значащими словами с солдатом, который с трудом удерживался от смеха при виде гротескной физиономии нашего человека, и отправился обратно к Сосье на кухню.

Дикарь не понял слова «завтра», но понял жест.

— Ну что, — спросил повар, увидев вернувшегося Буадона, — ну что, золото это или нет?

— Надо бы рассмотреть поближе, — ответил тот с сомнением.

— Ну-ну-ну, если бы вам его дали, вы бы и с закрытыми глазами взяли. Но поговорим о другом: есть ли у вас белое вино из Грава?[20]

— Есть, чёрт побери! И хорошее!

— Какого года?

— Тысяча шестьсот шестидесятого.

— Хорошо, хорошо, принесите завтра бутылку; господин граф попробует, и если вино окажется хотя бы на десять лет моложе, чем вы утверждаете, мы возьмём всё, что у вас найдётся. Потому что наши запасы иссякли.

— Идёт, папаша Сосье, идёт. Значит, до завтра.

— До завтра, — ответил повар и протянул гостиничнику руку с видом покровительственным и слегка насмешливым.

Последний ушёл с радостью на сердце, сопровождаемый сыном, уже докучавшим ему своими вопросами о дикаре. Но Буадон-отец был слишком поглощён собственными мыслями, чтобы отвечать Буадону-сыну.

— Дважды четыре — восемь, — ворчал скряга. — И это… наверняка… Восемь унций! Гм!

И он ускорил шаг, направляясь домой.

В тот же вечер Буадон, не знавший, чем занять время, столь сильно ему хотелось скорее дождаться следующего дня, играл в кости с несколькими завсегдатаями кабака, когда увидел, что входит тот самый солдат, который любезно позволил ему посмотреть на Волчьего Зуба.

— Отлично! — подумал гостиничник, — вот кого я не ждал, но кому, тем не менее, очень рад.

Затем, подойдя к нему, он осыпал солдата знаками внимания, щедро угощал крепким вином, какое любила солдатня, и поначалу делал вид, будто не замечает, что военный платит

---

[20] Я долго пытался установить, какие именно вина пили наши предки, но нигде не находил на этот счёт достоверных сведений. В конце концов, посоветовавшись со многими авторитетами, я вынужден был довольствоваться предположениями. Первые три печатных листа этой книги уже были отпечатаны, когда мне попались в руки счётные книги, которые вёл мой прапрадед по материнской линии господин Жан Таше, первый представитель этого рода в Канаде и купец в Квебеке до завоевания. Какова же была моя радость, когда, перелистывая эти старые, изъеденные плесенью рукописи, я обнаружил в них названия следующих вин, продававшихся господином Таше частным лицам с 1734 по 1754 год: красное и белое вино из Грава; бордоское вино; херес (шерри); мускатное вино; рансио (красное испанское вино).Что касается шампанского вина, которое, как известно, было усовершенствовано лишь в конце XVII века домом Периньоном, оно, вероятно, очень мало употреблялось в Канаде в начале и даже середине XVIII столетия, поскольку за период с 1734 по 1754 год я нахожу лишь несколько бутылок, приобретённых некоторыми состоятельными квебекцами, тогда как вина из Грава, Бордо и херес продавались бочками.Среди спиртных напитков в этих книгах упоминаются гильдив (водка из сахара) и собственно водка.

ему всего половину обычной цены за выпивку. История об этом умалчивает, но я склонен думать, что Буадон заранее разбавил это вино водой.

Впрочем, чтобы не возбудить подозрений у военного, он позаботился дать ему понять, что поступает так в благодарность за любезность, которую солдат ему оказал.

И, разговорив своего гостя, Буадон сумел узнать, что на следующий день тот будет стоять на страже в тот же час, что и накануне.

— Вот так! — сказал себе Буадон, довольно потирая крючковатые пальцы, в то время как солдат уходил, переполненный виноградным соком и шумной весёлостью, — я не зря потратил ни вино, ни время.

Ночь показалась кабатчику вдвое длиннее обычного, ибо, умерив его возбуждение, заставила задуматься, что он ввязывается в дело, которое вполне может закончиться позорным столбом, тюрьмой, штрафом… особенно штрафом, которого он больше всего боялся на свете после собственной жены.

Долго он лежал без сна, пока страх и скупость вели в его голове единоборство. Наконец, под утро, жажда золота взяла верх. «Какая опасность мне грозит? — спросил он себя, чтобы нанести решающий удар по своим колебаниям. С тех пор как привезли дикаря, люди осаждают двери его темницы, чтобы на него посмотреть. Не проходит и дня, чтобы любопытные не приходили разглядывать его снаружи через окно.

Почему же меня станут подозревать больше, чем кого-нибудь другого? Я сумею принять перед часовым такие меры предосторожности, что он ни о чём не догадается. И даже если позднее у солдата возникнут какие-нибудь подозрения на мой счёт, он остережётся кому-либо о них рассказывать, настолько будет бояться наказания, которое понесёт за нарушение приказа.

Ибо если ему позволяют пускать зевак поглядеть на пленника, то уж наверняка он обязан внимательно следить, чтобы никто не смог помочь дикарю бежать».

— Ну же, ну же, друг мой Буадон, вы вовсе не так глупы, как утверждает ваша жена, — подумал он, закрывая глаза, чтобы призвать сон.

И наш человек уснул, видя золотые сны.

Утром, приведя всё в порядок у себя в лавке, — госпожа Буадон занималась исключительно варевом и своей интересной семьёй, обитая на втором этаже, где царила как полновластная владычица, — кабатчик около десяти часов направился к замку.

Под мышкой он открыто нёс бутылку белого вина из Грава, а в правом кармане штанов держал два небольших предмета, тайком туда запрятанных.

Как и накануне, Буадон направился прямо на кухню; но на этот раз Сосье не было на месте.

Тогда под предлогом разговора с дворецким относительно своего вина Буадон вышел из кухни и прошёл по тому же коридору, по которому ходил накануне.

Привыкшие к его частым визитам, помощники повара не обратили на его передвижения никакого внимания и позволили идти куда ему вздумается.

Наш человек знал не одну хитрость. Он прошёл мимо часового, которого узнал с величайшим внутренним удовлетворением, и поклонился с озабоченным видом. Солдат, видя, что он идёт дальше, спросил, не желает ли тот посмотреть на дикаря.

— По-видимому, моё вино очень понравилось и его хотят попробовать ещё, — сказал себе Буадон.

— Нет, — ответил он солдату, — по крайней мере, не сейчас, потому что мне нужно поговорить с дворецким.

И он поспешно свернул за угол коридора.

Через четверть часа Буадон вернулся, поболтал с военным о посторонних вещах и лишь по виду уступив его настояниям, согласился мельком заглянуть в комнату пленника.

Наконец дверь открылась, и счастливый скряга, почти в точности повторяя свои вчерашние действия, просунул половину тела в приоткрытую дверь, тогда как часовой продолжал беспечно прохаживаться.

Хитрый Кот лежал на своём убогом ложе. Едва он увидел того, от кого зависело его освобождение, как его глаза озарились лучом свирепой надежды.

Он молча встаёт и тихо направляется к Буадону, который подал ему знак.

В мгновение ока нож и напильник, принесённые гостиничником, переходят в руки дикаря, тогда как тот украдкой кладёт два драгоценных золотых самородка в искривлённую ладонь хозяина, дрожащую от вожделения.

Затем дверь закрывается, и гостиничник спокойно возвращается к себе домой.

Несколько дней спустя Волчий Зуб исчез, и никто не мог объяснить, каким образом ему удалось перепилить один из прутьев, столь надёжно охранявших окно его темницы.

Месяц спустя, около середины июня, Волчий Зуб, похудевший, измученный, обессиленный, вернулся в деревню агнье, где его возвращения ожидали меньше всего.

Каким же образом ирокезу удалось одному и без оружия добраться до своих братьев среди бесчисленных опасностей, которые то и дело навлекало на него опасное соседство с белыми?

Первой заботой Волчьего Зуба, когда он оказался в лесах и укрылся от непосредственного преследования, было изготовить себе лук и стрелы при помощи ножа, полученного от Жана Буадона. Тетива уже была готова, ибо предусмотрительный дикарь добыл её из своей подстилки, лучшие нити которой он пустил в дело в последний день плена.

Это примитивное оружие не позволило ему умереть с голоду во время долгого перехода через леса. Лось, которого он заставал пьющим у озера, куропатка, которую его стрела настигала под листвой, заяц, которого стрела поражала возле норы, — вот та пища, которой он поддерживал своё полное приключений существование.

Так после многих лишений, после многих тревог, вызванных возможностью снова попасть в руки врагов, Хитрый Кот вновь увидел любимые берега реки Мохок.

Но в родной деревне его ждали жестокие разочарования. Прежде всего ореол непобедимости, окружавший его прошлое, жестоко пострадал из-за недавнего поражения и плена; затем, поскольку его считали погибшим, в его отсутствие избрали другого вождя. Таким образом, Волчий Зуб встретил по возвращении весьма мало сочувствия и сразу увидел в своём преемнике человека, очень ревниво оберегающего дарованный ему титул.

Увидев это, Хитрый Кот держался в стороне и отвечал презрением на холодность.

Между тем английские колонисты, деятельно готовившие тогда поход против Канады, заручились союзом ирокезских кантонов. Коннектикут и Нью-Йорк уже получили от агнье, сококи и лупов обещание присоединиться к двум тысячам солдат, которых эти два штата направляли через озеро Шамплен против Новой Франции.

В первой главе мы видели результат этого несостоявшегося замысла; поэтому здесь совершенно незачем на нём задерживаться. Скажем лишь, что Волчий Зуб, чьё озлобление против французов возрастало вследствие недоброго приёма со стороны своих, втайне вынашивал жестокие планы мести.

Но хотя его ненависть была обращена против всех жителей Канады, прежде всего она поражала тех, кто победил его и взял в плен, то есть квебекцев, частично составлявших отряд, отправившийся в Скенектади.

Поэтому, едва узнав, что в Бостоне снаряжают флот для захвата Квебека, он задумал план, который поспешил осуществить.

Нескольких часов ему хватило, чтобы приготовить оружие, и через три дня после возвращения Волчий Зуб вновь вышел из своей деревни лёгкой и гордой походкой, как в былые времена.

— Куда же идёт мой брат Волчий Зуб? — спросил вождь, занявший его место.

Волчий Зуб бросил на него презрительный взгляд и, указав на свою одежду и оружие, произнёс:

— Разве у моего брата нет глаз, чтобы видеть? — сказал он, проходя мимо.

Через несколько дней высокий ирокез стряхивал пыль со своих мокасин у ворот Бостона.

— Я хочу видеть одного из белых вождей, которые собираются нести войну в Канаду на своих больших каноэ, — сказал он на плохом английском первому встреченному прохожему.

Тот, к кому он обратился, был солдатом, недавно завербованным для похода на Квебек. Он отвёл дикаря к лейтенанту, записавшему его в свою роту, ибо лейтенанту было легче, чем рядовому, представить ирокеза старшим офицерам.

— Чего ты хочешь от нас? — спросил офицер дикаря.

— Я хочу отомстить тамошним бледнолицым.

Белый человек пристально посмотрел на краснокожего, который, со своей стороны, не отрывал взгляда от собеседника. На лице белого промелькнуло удовлетворение, и он подумал: «Вот человек, который мне нужен».

— Я сам один из тех вождей, которых ты хочешь видеть, — сказал он дикарю. — Согласен ли ты отправиться сражаться вместе со мной?

Ирокез, по-видимому, тоже был доволен первым впечатлением, произведённым на него другим человеком. Поэтому он поспешил принять его предложение.

Эти двое с первого взгляда угадали достоинства друг друга.

Одного звали Волчий Зуб; другой был лейтенант Джон Хартинг.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ШПИОН

Пусть нам будет позволено поместить здесь, прежде чем последовать за Волчьим Зубом в его ночной вылазке в Квебек, краткое изложение причин, вызвавших нападение на Канаду в 1690 году. Ибо настало время объяснить, каким образом английский флот оказался на якоре у подножия острова Орлеан четырнадцатого октября того же года.

Вследствие присоединения Англии к Аугсбургской лиге, направленной против Людовика XIV, Новой Франции предстояло вступить в борьбу с английскими колониями. Там, на родине, шла война, следовательно, и по эту сторону Атлантики надлежало резать друг другу глотки; ничего более логичного в те времена не было. Между тем именно таков был первоначальный повод к этим столь частым войнам, которые с самого своего возникновения опустошали английские и французские колонии нашего континента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.